

КЛЕЙМО МОРЕНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОБ БЕРТ

18+

Роб Берт
Клеймо Морены

«Автор»

2026

Берт Р.

Клеймо Морены / Р. Берт — «Автор», 2026

Андрей - опытный практик осознанных сновидений. В одном из снов он встречает Морену и выясняется, что мифы - это далеко не сказки...

© Берт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Случай в Колизее	5
Глава 2. Обычный день	8
Глава 3. Морена	11
Глава 4. Клеймо богини	15
Глава 5. Откровения домового	21
Глава 6. Битва в ангаре	27
Глава 7. Сон и Драма	32
Глава 8. Иллюзия силы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Клеймо Морены

Глава 1. Случай в Колизее

Я шёл по песку, горячему, как раскалённая сковородка. Он впивался в стопы, налипал на сандалии, которые уже давно перестали защищать, а лишь натирали кожу в кровь — липкая, жгучая смесь пота, песка и боли. Я плюнул под ноги и слюна, шипя и извиваясь, исчезла на раскалённой поверхности меньше чем за секунду. Во рту пересохло, но жажду пришлось игнорировать.

Крепче сжал рукоять гладиуса. Шершавое дерево прилипало к ладони, кровь уже успела запечься на рукоятке. Чужая кровь. Этот знакомый медный, сладковатый запах ударил в нос, щекоча ноздри и будоража что-то глубоко внутри, какое-то звериное, первобытное удовольствие от собственной силы. Трибуны неистовствовали. Орала оглушительно и безумно. Десятки тысяч глоток сливались в один сплошной, физически ощутимый гул, выкрикивали моё имя. Вернее, не моё, а моего альтер-эго. «Максимус»!

Я стоял, широко расставив ноги, чувствуя каждую уставшую, но не сломленную мышцу, каждый шрам на своей груди. Я вдыхал воздух, напоенный славой, кровью и потом. Эпичный финал. Я занёс гладиус, отточенный до бритвенной остроты, готовясь уложить этого последнего увальня-фракийца одним коронным ударом. Я уже видел, как он рухнет на песок, и трибуны взорвутся финальным, обезумевшим рёвом. Сознание определяло не только реальность. Моя же осознанность — просто зашкаливала. Я не просто понимал, что сплю — я был этим сном, его творцом и повелителем. Это была абсолютная, чистая власть. Лучше любого наркотика. Она стояла всех лет тренировок и всех прочитанных книг по этой теме.

Оно того стоило.

И именно в этот момент, сквозь оглушительный рёв трибун, пробился другой звук. Сначала тихий, едва уловимый, как назойливый комар. Но он нарастал, вгрызаясь в уши, в виски, раскалывая мой идеально выстроенный мир на куски.

Р-р-р-р-р-р! Вжжжж-х!

Это был абсолютно механический, чужеродный, до боли знакомый гул перфоратора, которому здесь не было места.

Звук нарастал, как зубная боль. Фракиец замер, и его боевая ухмылка застыла, превратившись в нелепую гримасу. Его секира задрожала и стала полупрозрачной. Гладиаторы на втором плане поплыли, будто были под водой. Цезарь на своей ложе замер в неестественной, заикленной позе, словно зависший видеоклип. Воздух затрепетал. Сквозь запахи крови и пота пополз знакомый запах пыли с бетонной крошкой.

И я его увидел. Прямо из-под императорской ложи, в облаке едкой известковой пыли, отплёвываясь и ругаясь матом, выполз мужик. Самый обыкновенный, с лицом, помятым вечной невыспанностью, в засаленном комбинезоне и с новеньким, урчащим перфоратором «Бош» в руках. Он деловито ткнул буром в древнюю кладку...

Р-р-р-р-р-р! Вжжжж-удар!

Звук был настолько громким и нереальным здесь, что заложило уши. Трибуны агонизировали, их рокот превратился в прерывистый хрип. Даже Цезарь попятился, его надменное лицо исказилось маской глупого ужаса.

— Эй, ты! Пингвин! — заорал я, чувствуя, как почва уходит из-под ног, как края зрения темнеют. — Ты откуда взялся, мудила? Это мой мир! Мой сон!

Мужик обернулся, сплюнул в сторону отрубленной головы гладиатора и буркнул с чисто кавказским, но до слёз знакомым акцентом:

— Брат. Не кричи. Пару плиток кафеля сниму и всё. 5 минут. Никуда твой Колизей не денется.

Его слова — такие простые и будничные — вогнали последний клин в трещащую по швам реальность сна. Волна слепой ярости резко выдернула меня наружу.

Глаза были открыты, но вместо Колизея была моя комната. Тело было влажным от пота, сердце стучало ровно и устало. Я лежал, не в силах пошевелиться, тупо глядя в потолок и лоя ускользающие остатки ощущения абсолютной власти. Рука сама потянулась к плечу, бессознательно ища знакомую тяжесть наплечника, но наткнулась лишь на мягкую ткань старой футболки. Эх...

С тихим стоном я поднялся, скинув одеяло. Пошатываясь, побрёл к заваленному обёртками, кружками и осколками бабушкиного сервиза подоконнику. За окном — привычный подмосковный пейзаж: аккуратные многоэтажки с недавно отремонтированными фасадами, чистые ухоженные дворы, машины аккуратно стоят на переполненных парковках. Всё красиво, прилично и как-то, даже, слишком благоустроено. Отличные декорации для моего профессионального безделья. Иногда мне кажется, что я — единственное не отремонтированное и не ухоженное пятно в этом идеальном мире.

Я — Андрей. После того как шесть лет назад умерла бабушка, я сдал её хату в центре за бешеные деньги и свалил в эту трёшку на окраине Одинцово. Зачем холостяку три комнаты? А я вот хочу и могу. В одной сплю, в другой книги разбрасываю, в третьей в телевизор смотрю. Простор и одиночество — вот она, настоящая свобода. Идеальные условия для законченного интроверта. Правда, иногда эта самая свобода начинает тяготить, наваливается неприятной тяжестью. Но я стараюсь не заикливаться на этом.

На кухне царил художественный беспорядок. Гора невымытой посуды в раковине уже приобретала признаки самостоятельной экосистемы. Я включил старенький чайник, пнул по пути мятый том фэнтези. Пока вода закипала, уставился в окно. В голове прокручивались обрывки сна. Это было так... эпично и реально. Гораздо реальнее, чем этот вид за окном. Сон был жизнью, а жизнь — блеклым сном.

И ведь вроде бы всё получилось. Мечта идиота сбылась: никакой работы и никаких начальников. Одни сериалы, книги и сны. Вот уже три года как я прокачиваю навык осознанных сновидений. Это мой личный, самый совершенный виртуальный рай. Если, конечно, какой-нибудь сосед не вломится в него со своим перфоратором.

Чайник выключился. Я наскоро заварил в кружке растворимый кофе, добавил туда оставшееся на дне банки сгущённое молоко — получилось сладко и противно, но сахар и кофеин должны были помочь прийти в себя окончательно. Завтрак чемпиона. Или обед. Какая, в сущности, разница?

Грохот сверху прекратился. Наступила благословенная, давящая тишина. Я плюхнулся в провалившееся кресло и включил ноутбук. Пальцы сами набрали адрес сайта с доставкой еды, я заказал пиццу «четыре сыра» и крылышки. Мне нравилось абсолютно всё, что требовало минимума действий. Пара кликов — и через час еда сама появится у двери. Не надо мыть посуду, не надо готовить. Запустил какой-то подкаст — просто для фона, чтобы заполнить пустоту. Голоса говорили о чём-то, не привлекая внимания, пока я листал ленту новостей. В какой-то момент я отвлёкся на видео хостинг и полчаса смотрел обзоры на видеокарты, которые мне были не нужны, а потом — записи уличных драк, чувствуя странный диссонанс после своего гладиаторского триумфа.

Курьер позвонил, я забрал пакет, даже не открывая до конца дверь. Развернул картонную коробку с пищей на столе, заваленном крошками и кружками с засохшим чайным налётом. Ел прямо из неё, не отрываясь от экрана. Вот ради этого момента, когда горячий сыр тянется нитями, а во рту тает идеальное сочетание теста, соуса и начинки — ради этого можно было и терпеть эту скучную реальность. Краткие всплески удовольствия между часами рутинного

безделья. Я облизал пальцы и потянулся за следующим куском. Да, это было гораздо лучше, чем любая осознанность.

Я мог бы позволить себе всё что угодно. Но в итоге захотел только одного — чтобы все отстали. И ведь у меня получилось. Я был счастливым человеком. Абсолютно пустым, абсолютно свободным и счастливым. Так я повторял себе каждое утро. Иногда это даже помогало.

К вечеру пошёл мелкий, противный дождь. Я допил тёплую колу из бутылки, оставшейся со вчерашнего дня. Включил свет — тусклая лампочка мигнула и неохотно зажглась. Я стоял у окна, доел остывшую пиццу прямо из коробки и смотрел, как темнеет. Завтра — первое декабря. От этой мысли стало немного не по себе и где-то в глубине подсознания появилось нехорошее предчувствие, но я отмахнулся.

Чушь.

Просто погода. Просто осенняя хандра. Надо завтра пополнить холодильник. Или просто заказать ещё одну пиццу, а ещё лучше сходить за пирогом с яблоками и корицей в пекарню на соседней улице? Или нет... Лень. Лень одеваться, выходить. Лень жить.

Перед сном я принял долгий, обжигающе-горячий душ, смывая остатки дня и смутную тревогу. Из стиральной машины, закончившей цикл бог знает когда, я вынул мятый комок чистого, но сильно помятого белья и с трудом нашёл среди него пару носков. Потом, чистый и распаренный, устроился в кровати и накрылся пледом. Дыхание выровнялось. Ладно, думаю, что уже почти засыпаю. Чёрт с ним, с Колизеем. Завтра придумаю что-нибудь новое. Может, полетаю на дирижабле. Главное — без мудаков с перфораторами. Чтобы меня оставили в покое хотя бы во сне.

Последняя ночь осени была тихой. Даже соседи не шумели. Я заснул почти сразу. Мне приснилось что-то светлое и безмятежное — бескрайнее поле, тёплое солнце и тишина. Никаких гладиаторов и никаких трибун — просто покой.

Глава 2. Обычный день

На этот раз я проснулся сам, без будильника и грохота сверху. Впервые за долгое время, веки сами легко открылись. Не было и следа утренней тяжести, лишь приятная, звенящая пустота после качественного сна. Тело было лёгким, мышцы послушными, без привычной утренней одеревенелости. Я потянулся, и кости приятно хрустнули. С улицы, сквозь приоткрытую форточку, лился свежий, влажный воздух, пахнувший мокрым асфальтом и прелыми листьями. Я лежал и несколько минут просто слушал тишину, чувствуя, как реальность этого нового дня плавно наступает, вступая в свои права. Не было ни раздражения, ни тоски. Было почти что... хорошо.

С тихим и неожиданным для самого себя вздохом облегчения я поднялся с кровати. Походка была твёрдой, без вчерашней шаткости. Я подошёл к окну. За стеклом был всё тот же подмосковный пейзаж, но сегодня он казался просто фоном, а не декорацией, как вчера, после Колизея. «Ну что ж, — подумал я. — Посмотрим, что ты мне приготовил, первый день зимы».

На будильнике телефона, валявшегося где-то в ногах на кровати, красовались цифры: 11:47. Почти полдень. Красота. Половина дня благополучно прожита, даже не начавшись. Непобедимый гладиатор осознанных снов поплёлся в ванную.

Я умылся быстро, механически. От ледяной воды на лице, на секунду, перехватило дух. Сквозь мятную свежесть пасты пробивалась привычная утренняя горечь. Я посмотрел в зеркало на своё отражение — немного помятое, немного одутловатое, с покрасневшими глазами. Максимус остался в песках арены, здесь же был только Андрей.

На кухне меня ждал привычный хаос. Я автоматически запустил старенький «Скарлетт», сунул в рот пару овсяных печенек из пачки, стоявшей на столе рядом с засохшими крошками, которые давно смирились со своей участью. Вчерашняя банка со сгущёнкой стояла пустая, поэтому пришлось заварить «три в одном» и, как всегда, этот жидкий суррогат делал своё дело — последние остатки сна отступали под натиском кофеина. Пил я его, уставившись в серый пейзаж за окном. Голые деревья, жилые дома. После вчерашнего раскалённого песка Колизея — это было особенно тоскливо.

Мысль о том, что надо идти в магазин, вызывала тихую, глухую ненависть. Но холодильник пел ледяную песню пустоты. Пришлось натянуть на себя старые джинсы и потрёпанную куртку, сопровождая этот процесс немим потоком брани.

Воздух на улице был холодным, колючим и пах зимой. Но не той, новогодней, с мандаринами и ёлками, а самой что ни на есть настоящей московской — промозглой, влажной, пробирающей до костей. Я шёл, засунув руки в карманы и уткнувшись взглядом в асфальт, стараясь не встречаться глазами с редкими прохожими.

Супермаркет «У дома» оглушил меня ярким светом и до тошноты знакомой попсой. Я быстренько набрал корзину необходимого: пельмени, макароны, пару банок тушёнки, пачку сосисок, печенье, хлеб. Стандартный набор одинокого мужчины, не обременённого кулинарными изысками. У кассы мужик в дорогом пальто нервно переминался с ноги на ногу, поглядывая на мою корзину с плохо скрываемым брезгливым любопытством. «Нет, брат, у меня нет ядерного бункера, — мысленно парировал я, — и вообще, какого хера пялишься!?».

На кассе сегодня работала Даша. Её улыбка при взгляде на него перестала быть дежурным, безжизненным атрибутом формы, как и синий фартук.

— Андрей, здравствуйте, — её голос был ярким и звонким. — Вы извините, что лезу, но вы сами на себя не похожи. Совсем серый. Как будто из подвала вышли, а не из дома.

Я поморщился, доставая карту. Ей то, что надо?

— Да так, работаю много. За компьютером.

— Ну, так и засидитесь совсем, — она покачала головой с искренним, неформальным участием. — Я вас в последнее время только тут и вижу, у нас в магазине, хоть мы и соседи. Вам бы на воздухе бывать почаще, правда. Солнца нет, так хоть просто гулять. А то ведь, и впрямь, превратитесь в привидение, — она снова улыбнулась, и это была не казённая улыбка кассира, а живая, чуть смущённая. — Здоровье надо смолоду беречь.

От таких прямых вмешательств в мою жизнь меня всегда воротило... Я растерянно пробормотал:

— Да я как-то... не до того.

— До того, — она мягко, но настойчиво парировала, пробивая покупки. — Витаминчиков купите, например D3, раз на солнце толком не бываете. Я себе беру вот эти, — она ткнула пальцем в витрину с баночками. — Помогает. И в спортзал наш районный запишитесь. Я туда тоже по вечерам хожу.

Она протянула мне чек, и её взгляд был уже не пустым, а тёплым и заинтересованным:

— Подумайте. Силы ведь нужны, даже для того, чтобы за компьютером сидеть.

— Спасибо, — выдавил я, хватая пакет и чувствуя, как глупо краснею. — Может, и правда запишусь куда-нибудь.

— Правильно, — кивнула она. — Увидимся.

Её слова заставили на секунду задуматься. Она девка видная и предложение о спортзале прозвучало почти как приглашение.

У подъезда, как на зло, мела первый снег Мария Степановна. Увидев меня, она упёрла метлу вбок, перекрывая путь ко двери.

— Андрюша! Стой, не убегай! — крикнула она, и её голос прозвучал не строго, а с любопытством. — Дай на тебя посмотреть. Совсем затворником стал. Деньги, что ли, дома печатаешь? Или в шпионов играешь?

— Работаю, Мария Степановна, удалённо, — попытался я юркнуть в подъезд.

— Одно слово — компьютер, — фыркнула она, загораживая путь. — От него не то, что жены, а соседей не увидишь. А мужик ты, я честно скажу не то, чтобы ладный. Но явно с мозгами, а это в наше время главное. Только бледный очень, и щёки впали чуток. Спортом тебе надо заняться и через пару месяцев девчонки очереди начнут выстраивать.

Я смущённо пожал плечами, но ей перечить не стал.

— Серьёзно, — настаивала она, понизив голос до заговорщицкого. — Что ты в четырёх стенах топишься? Вон, кругом девок полно, хороших, работающих. В нашем подъезде даже парочка хороших имеется. Семьёй жить — оно веселее, поверь старой дуре. Одному-то скучно.

— Да я как-то не смотрю по сторонам, — пробормотал я.

— Так посмотри! — ткнула она меня метлой в ботинок, но без злобы. — Берись за себя, на людей погляди. А то просидишь свой лучший возраст у монитора, а потом жалеть будешь. Ну, ладно, не задерживаю. Иди, грейся.

Она отступила, пропуская меня, и я потянулся за ручкой двери.

— Андрей! — снова окликнула она меня. Я обернулся. — Ты хороший парень. Не забывай об этом. И о том, что людям на тебя смотреть приятно должно быть. Всего доброго.

Дверь захлопнулась, оставив меня в подъездной тишине. Я медленно пошёл на свой этаж, и в голове крутились её слова. Два комплимента за пятнадцать минут... Даша и Мария Степановна... и то, что от последней это прозвучало — было просто удивительно. «С мозгами». «Хороший парень».

И главное — та же мысль, что и у Даши, но с другой стороны: «В форму себя приведи». Две совершенно разные женщины, а говорят об одном и том же. Может, и правда, стоит перестать быть тенью и заняться собой? Хотя бы для начала — выйти на пробежку.

Вернувшись в квартиру, я с облегчением скинул куртку. Сначала я героически попытался подойти к завалу посуды в раковине. Посмотрел на него минут пять, вздохнул и вымыл только одну тарелку, одну вилку и одну кастрюльку. Остальное подождёт.

Поев, я устроился в своём кресле-мешке и погрузился в цифровую реальность. Новости, чаты, сериалы... Мир вовсю нёсся куда-то, а я оставался неподвижной точкой.

Потом взял в руки книгу Дмитрия Нелина «Охотник на читеров». История о парне, который в осознанных снах надирает задницы тем, кто встаёт у него на пути не только во снах, но и в реальном мире. Крутая концепция. Я залип, следя за приключениями главного героя. Было немного завидно — у него всё так лихо получалось. Он не бежал от мира — он его переделывал под себя. В отличие от меня.

Дальше был Яндекс. Дзен. Лента, подогнанная под мои интересы. Я бесцельно листал, пока взгляд не зацепился за заголовок: «Морена: Славянская королева Зимы и иллюзий».

В голове что-то щёлкнуло. Тихий, злобный щелчок. Первый снег за окном. Холодный душ из советов от Даши и Марии Степановны. Эта дурацкая статья. Всё сошлось в одну точку — в комок злости у меня под ложечкой.

«Берись за себя». «Семьей жить веселее». Ну, конечно. Превратиться в такого же, как все. Ходить на работу, в спортзал, смотреть сериалы семьей на ТНТ по вечерам. Прекрасная жизнь. Просто замечательная.

А что, если взять за себя по-настоящему? Не для них. Для себя. Не пытаться встроиться в их унылый мир, а найти свой. Не тепленький и удобный, а... холодный. Чистый. Где не пахнет котлетами и чужими советами. Где есть только я и тишина.

Морена. Королева Зимы. Владычица снов и холода. Это не какой-то там римский император — бутафорский, сформированный в моём подсознании американским кинематографом. А она. Та, что не просит, а берёт. Та, что не учит жить, а просто правит своим ледяным царством.

Идея оформилась моментально, как насмешка. Над ними всеми. Вы хотите, чтобы я «вышел в люди»? Я выйду. Только не в ваш люд. Я пойду туда, куда вам и дороги-то нет. Загляну в нутро самой Зимы. Может, она не просто богиня. Может, она — единственная адекватная собеседница в этой вселенной.

С энтузиазмом, которого давно не бывало, я отыскал свою засаленную тетрадку по целям в ОС. На чистой странице вывел:

ЦЕЛЬ: Встреча с Мореной.

Положив тетрадь под подушку, я представил себе... простое бескрайнее снежное поле, без дворцов и прочей фэнтезийной чепухи. И она. Не «прекрасная владычица», а такая же одинокая, как я. Только с властью и силой.

Лёг спать с ощущением, что иду на свидание вслепую. Неизвестно, кто кого там будет разбирать.

Последней мыслью было: «Ну, Снегурочка, готовься. Дед Мороз уже в пути!».

Глава 3. Морена

Проваливаясь в сон, я попытался увидеть перед собой руки, максимально сконцентрировавшись на тактильных ощущениях. Эта техника практически никогда не подводила, но в этот раз я будто не успел, и объятия Морфея проглотили меня.

Хотя нет... Меня окружает беспросветная, густая, обволакивающая тьма. И я в сознании. Значит, получилось.

— Так, спокойно, Андрей, спокойно... Никаких эмоций. Сейчас они главный враг. Надо увидеть руки!

Я снова сосредоточился на тактильных ощущениях, попытался представить руки перед собой и стал изо всех сил тереть ладони. Мысленно вызывал тепло кожи, её шероховатость. Мозг, привыкший к комфорту и полному отсутствию усилий, саботировал команду. Но нет — тут я на своей территории. Максимус давно проторил тропинку вглубь подсознания, и его не остановить.

— Да где же?.. Где же?..

По ощущениям, руки уже должны были задымиться от трения. И вдруг — о, чёрт! — в полной темноте, как сбой, мелькнула первая искра.

Я упёрся взглядом в... цветочек на обоях, понимая, что стою в какой-то дурацкой комнате, принадлежавшей явно какой-то бабушке. «Ну нет, на такое я не подписывался», — подумал я и сделал несколько резких оборотов на месте, чтобы «раскрутить» реальность, сделать её чётче.

Сработало.

Всё встало на свои места, мир вокруг был ярким и максимально реалистичным. Я снова Максимус — повелитель окружающей сновиденной реальности.

Цель. А какая у меня была цель? Ах да, Морена. Королева зимы, вся из себя холодная и величественная. Ну-ка, хочу, чтобы за этой дверью был не какой-нибудь убогий коридор, а хвойный лес с огромной поляной посреди, солнце, и чтобы птички пели. Закрыв глаза, я представил этот пейзаж.

И, распахнув дверь, шагнул напрямик на полянку. Воздух пах хвоей и летом. Почти как в Подушкинском лесу в Одинцово, только без запаха шашлыка с соседней мангальной зоны. Красота.

«Цель ОС... Морена... Морена! — повторил я про себя. — Она сейчас стоит у меня за спиной. Я обернусь, и она будет там».

И тут я заметил, что сочная зелёная трава у моих ног начала странно белеть. Словно её кто-то посыпал сахарной пудрой. Но нет, это был иней. Он расползлся с жуткой скоростью, сковывая всё вокруг ледяным панцирем. Солнце померкло, птицы заткнулись. Воцарилась тишина, какая бывает только в глухую зимнюю ночь посреди дремучего леса.

— Ты хотел увидаться, смертный? — раздался голос сзади.

Бархатный, глубокий, с властными нотками. От него по спине побежали мурашки, но я внутренне мобилизовался. «Не ведись на развод, Андрей, это всё твой мозг».

Я медленно обернулся, стараясь надеть на лицо маску безразличия. И обалдел.

Она была... ну просто с обложки глянцевого журнала «Мистический Vogue». Длинные чёрные волосы, белое бархатное платье, драгоценности, которые наверняка стоили больше, чем вся моя трёшка в Одинцово. Лицо — ну просто кукольно-идеальное, хоть в рамочку вешай. Но глаза... В этих тёмных, бездонных глазах не было ничего человеческого. Только холод. Такой, от которого по моей спине побежали мурашки.

— Да, хотел, — выдавил я, пытаюсь в голос влить как можно больше нарочитой развязности. — И вот я здесь. Привет, снежная королева. Как дела? Выглядишь, кстати, зачётно.

— Я так понимаю, тебя не учили, что нужно бояться своих желаний? И этикету, видимо, тоже, — ее губы тронула лёгкая улыбка. Улыбка кошки, которая видит, как мышка сама идёт к ней в пасть.

— Нет, не учили, — фыркнул я. — Меня учили, что я тут главный. Что всё это — тараканы в моей голове, и танцуют они под мою дудку.

— Очень глупо и самоуверенно, — парировала она, и от этих слов стало как-то совсем не по себе. — Время бежит, а человеческая глупость не подвластна даже ему. Люблю, когда мотыльки сами летят на огонь. Хотя, в моём случае... скорее, в вечный холод.

Она взмахнула рукой — и с хрустальным треском из ничего возник громадный ледяной трон, весь в шипах и изморози. Она уселась на него, как на диванчик в гостиной.

— Ну и чего ты хотел, глупый сноходец? — спросила она свысока. — Полюбоваться? Или попроситься в слуги? У меня вакансия как раз свободна. Вечная.

Этот последний довесок — «вечная» — добил меня. Но перед этим, буквально на миг, я прочувствовал слово «сноходец»... Надо запомнить, что-то важное в нём... А потом моя самоуверенность, раздутая до небес, рванула, как перегретый паровой котел.

— Я служу только себе! — рявкнул я, уже по-настоящему выходя из себя. — А тебя, Снегурочка, я сейчас поучу своему этикету! Это мой мир, и я тут царь и бог!

Она рассмеялась. Её смех был похож на звон хрустальных бокалов, но почему-то от него захотелось забиться в угол и плакать.

Я сосредоточился и закрыл глаза. Я — спецназовец. Камуфляж, броник, и в руках — здоровенный пулемет. Вес оружия был таким реальным, таким знакомым по моим предыдущим приключениям. Я почувствовал себя крутым.

— Ну что, снегурка? Потанцуем?! — нагло бросил я, целясь ей в грудь.

Она лишь взмахнула пальцами, словно отмахиваясь от комара. И тут меня ударило. Невидимая сила швырнула меня назад, как тряпичную куклу. Воздух со свистом вырвался из лёгких. Я полетел, и за моей спиной внезапно разверзлась чёрная дыра — я не увидел её, а почувствовал спиной. Я рухнул в неё, кувыркаясь в кромешной тьме.

Падение казалось вечным. В ушах выл ветер. И тут же, легко ступая по воздуху, как по паркету, рядом со мной возникла она.

Я с грохотом приземлился и откатился по мёрзлой земле, едва не вывихнув всё, что можно, и вскочил, сжимая в руках пулемёт. Но что-то было не так. Он был лёгким, как картонный. Я нажал на спусковой крючок.

Раздался жалкий щелчок. Тишина.

«Ладно, пулемёт — не моё, — лихорадочно подумал я. — Сейчас я ей устрою... фаербол!» Я выбросил руку вперёд, концентрируясь на образе пылающего шара...

На ладони вспыхнул жалкий огонёк, что с треском погас и обжёг мне пальцы.

— Черт!.. ВЗЛЁТ! — заорал я, чувствуя, как паника подбирается к горлу.

Но ноги предательски прилипли к мёрзлой земле.

Я огляделся. Кругом была жуть. Серое, низкое небо, бескрайняя равнина, покрытая колким инеем, кривые, мёртвые деревья. Сам воздух, казалось, пропитан ужасом. Это была не красивая зимняя сказка. Это была какая-то вселенская помойка. Неужели это Навь?!

Морена парила рядом на своем дурацком троне, глядя на меня с холодным любопытством.

— Кончились фокусы, сноходец? — спросила она мягко. — Здесь — Навь, и здесь мои правила. Ты теперь мой. До конца зимы... А может и навсегда!

— Да иди ты! — рявкнул я, уже почти не контролируя себя. — Я сейчас проснусь! ПРОСНИСЬ! — завопил я мысленно, закрыв глаза и изо всех сил сжал голову руками, пытаюсь вырваться из этого кошмара.

Ничего. Только ледяной холод, пробирающий до костей. И вся абсурдность ситуации была ещё и в том, что все сновидцы читают кучу книг и смотрят сотни видео по техникам, как попасть в ОС, а не вырваться оттуда. Бред.

— Время здесь... остановилось для тебя, — произнесла она, и её слова вмерзали в воздух ледяными иглами. — Беги. Попробуй убежать. Может, это у тебя получится лучше, чем проснуться.

И я побежал. Сорвался с места, подгоняемый животным ужасом, удирая от этой ледяной бесчувственности что есть сил.

Я не успел сделать и десяти шагов.

— Тра-та-та, — абсолютно бесстрастно, без единой нотки игры, прозвучал сзади ее голос.

Я оглянулся на бегу — и сердце упало в пятки. Она стояла на месте, но теперь в её руках был мой пулемёт. Она держала его одной рукой, словно он был картонной игрушкой, и целилась мне в спину, небрежно направив ствол.

— Бежишь неплохо, — заметила она с ледяным любопытством. — Погоня началась!

Она «выстрелила». Не грохот, а тот самый жалкий щелчок, который издавало оружие у меня в руках. Но от этого щелчка по моим ногам ударила ледяная стена, сбившая меня с ног и отбросившая назад, к ее подножию.

И мир перевернулся... Земля ушла из-под ног, и я с криком провалился в ледяную воду чёрного омута. Влага холодом обжигает кожу, заполняет рот, нос, лёгкие. Я захлёбываюсь, отчаянно загребая руками, чувствуя, как тяжёлая одежда тянет тело ко дну. Свет сверху меркнет, а внизу зияет чернота, полная шевелящихся теней.

С последним усилием я вынырываю, судорожно хватая ртом воздух, обжигаясь холодный... и понимаю, что воды вокруг больше нет.

Я качусь по крутому, обледеневшему склону горы, утыканному острыми, как бритва, скальными выступами. Они впиваются в бока, рвут одежду. Сверху, с оглушительным грохотом, на меня летят глыбы грязного, смерзшегося снега, грозя раздавить в лепёшку. Я пытаюсь зацепиться за что-то, но пальцы скользят по гладкому льду.

Падение прекращается так же внезапно, как и началось. Я оказываюсь запертым в тесном, ледяном склепе. Стылые стены сдавливают со всех сторон, не давая пошевелиться. Воздуха катастрофически не хватает. Я пытаюсь дышать медленнее, экономить кислород, но паника сжимает горло, а в ушах стучит кровь. Я понимаю, что сейчас задохнусь здесь, в полном одиночестве, в этой ледяной ловушке.

Склеп исчезает. Я бегу по бесконечному лабиринту из ледяных зеркал. Со всех сторон на меня смотрит моё собственное отражение — искажённое ужасом, стареющее на глазах, с сединой в волосах и морщинами на лице. Из зеркал тянутся бледные, обмороженные руки, пытаюсь ухватить меня, а за спиной слышится мерный, неумолимый скрежет — будто что-то огромное и тяжёлое ползёт по льду, догоняя меня.

Я споткнулся, упал, обернулся... и увидел её. Мара стояла в конце коридора, не двигаясь, бесстрастно наблюдая. Её лицо было нечеловечески прекрасным, а в глазах читалось холодное, научное любопытство. Ей было интересно, сколько её новая игрушка сможет продержаться.

Пространство снова сменилось. Теперь я стою на карнизе небоскрёба. Высота умопомрачительная. Ветер рвёт одежду, пытаюсь сорвать вниз. А внизу, вместо улиц, зияет всё та же бесконечная, серая пустота Нави. Я отшатываюсь от края, сердце бешено колотится. И тут же чувствую, как карниз под ногами трескается и рушится. Я лечу в бездну.

Но падение снова обрывается, не достигнув дна.

Я лежу на спине на мерзлой земле, тяжело дыша, чувствуя каждую царапину и синяк. Надо мной, молча и бесстрастно, возвышаются три силуэта в рваных, тёмных плащах, с лицами, скрытыми в глубине капюшонов. Безликие погребальщики. Один из них беззвучно тычет лопатой в груду мёрзлой земли. Двое других молча, с механической и ритуальной точ-

ностью, начинают закидывать меня ею. Холодные, тяжёлые комья падают на ноги, на живот, на грудь. Я пытаюсь вырваться, закричать, но тело не слушается, парализованное ужасом, а из горла вырывается лишь хрип, который тут же заглушается шуршанием земли.

Это не только больно. Это ещё бесконечно и невыносимо страшно. Отчаяние, холодное и острое, как лёд, пронзает меня.

Это конец.

Так и не проснусь. Останусь здесь навсегда.

Один из погребальщиков поднимает над моей головой большую, неровную глыбу спрессованного снега и льда. Она на мгновение загораживает собой серое, мёртвое небо Нави, а потом обрушивается на меня всей своей тленной тяжестью, вышибая последний воздух и придавливая к земле. Темнота накатывает, густая и окончательная.

И в этот миг абсолютной, ледяной безысходности, я совершаю последнее, отчаянное усилие. Всем существом, каждой клеткой своего парализованного тела, я рвусь прочь. Я не просто хочу убежать — я хочу перестать быть.

Раздаётся оглушительный грохот, треск, и...

... Я с глухим стуком, оглушённый, весь в соплях, слезах и холодном поту, сваливаюсь с кровати на холодный пол своей комнаты.

Я лежу раскинувшись, весь дрожа мелкой, прерывистой дрожью. Сердце колотится, пытаюсь проложить себе путь через рёбра. Во рту пересохло. И да, ко своему жгучему стыду, я понимаю, что обмочился от страха, как мальчишка.

За окном тихо и темно. Свет фонаря тускло освещает знакомый хаос: груды книг, экран телевизора, дверь на кухню.

Я дома. В своей трёшке. В безопасности.

Я сделал глубокий, прерывистый вдох, пытаюсь унять дрожь во всём теле. В воздухе витал запах пыли и вчерашних пельменей. Самый лучший запах на свете. Тишина была родной и приятной. И сквозь эту тишину, прямо у меня в голове, прозвучал ледяной, знакомый шёпот:

«До встречи следующей ночью» ...

Глава 4. Клеймо богини

«До встречи следующей ночью» ...

Ледяной шёпот повис в тишине комнаты... Он был настолько чётким, что я инстинктивно повернул голову, ища источник звука. Никого. Только пыльный солнечный луч на полу. Я лежал, вжавшись в липкий от пота ламинат, и слушал, как сердце выбивает дробь. А потом пришел стыд. Тёплый, мокрый и беспощадный. Максимус, повелитель Колизея, обмочился.

Это унижение заставило меня двигаться. Я собрал мокрое белье и рванул в ванную. Не глядя, запихнул его в стиральную машину, наугад ткнул в кнопки и запустил её. Рёв мотора был хоть каким-то звуком жизни. Я осознанно избегал зеркала, пока забирался в душ. Включил воду погорячее и стоял под ней, пока кожа не заняла, пытаюсь смыть с себя всё... и позор, и липкий ужас.

Внезапно, наступило опустошение. И его, немедленно, заполнила одна-единственная, животная мысль — сигарета. Мозг, вывернутый наизнанку адреналином, требовал старого, проверенного яда. Я натянул что попало, выскочил из квартиры, купил у ларька пачку сигарет и стаканчик кофе. Первая затяжка за пять лет обожгла лёгкие, закружилась голова. Я закашлялся, прислонившись к холодной стене. Отвратительно. И... одновременно хорошо. По-своему, надёжно.

Пить кофе и покурить ещё, я пошёл в парк. Сидел на холодной скамейке, тупо глядя на голые ветки, и чувствовал, как никотин припиливает меня к реальности. Краем глаза мелькнуло что-то за деревом — высокая, сгорбленная тень. Я не стал даже оборачиваться. «Нервы, — буркнул я себе под нос. — Просто нервы».

Ноги сами понесли меня в знакомую пекарню-кондитерскую. Тёплый, сладкий воздух порадовал после уличного холода. Я набрал пирогов с собой и круассанов, чтобы покушать здесь, и уселся за столик у окна, надеясь, что люди и запах свежей выпечки вытеснят из головы моё ночное фиаско.

И тут я увидел её. Даша, кассирша из супермаркета, стояла у стойки, получая свой заказ. В обычной жизни, без синего фартука, она выглядела немного иначе — моложе, мягче. В красивой вязаной шапке.

— Андрей? «Здравствуйте!» — она заметила меня и улыбнулась.

— Даша... Привет. — Я почувствовал, что глупо улыбаюсь. — Присоединяйся, если не спешишь. Я один.

— А я как раз хотела посидеть, — легко согласилась она, сняла шапку, и тёмные волосы рассыпались по плечам. — Вечно ем на бегу, уже достало.

Несколько минут мы молча ели. Было тихо и немного неловко, но эта неловкость была человеческой, нормальной.

— Вы знаете, я когда вас вчера в магазине увидела, — начала Даша, отламывая кусочек круассана. — Вы такой... блеклый были. Сейчас вроде посвежее, отдохнули?

«Отдохнул»? Я чуть не поперхнулся чаем.

— Да уж, отдохнул, — с горькой иронией выдохнул я. — Так, знаешь, выдалась ночка. И давай на ты, я не так уж и сильно старше.

Она кивнула.

— А ты... я и не думал, что ты здесь живешь.

— Ага, в соседнем доме, — кивнула она. — Удобно, на работу пешком. Ты же тоже с Молодёжной? Я тебя там часто вижу.

Мы помолчали, и я почувствовал, что не могу больше молчать. Мне отчаянно хотелось говорить о чем-то нормальном, земном и раствориться в этом, полностью забыв ночь.

— А с работой... как так вышло? Если не секрет, конечно. Просто, ты всегда так грамотно говоришь, складывается впечатление, что у тебя за плечами не просто школа.

Даша вздохнула, но не с обидой, а, скорее, с лёгкой усталостью.

— Спасибо, что заметил. Да, закончила универ. Ну, история стандартная, наверное. В школе обожала английский, мне нравилось, как звучат слова, как строится фраза. Поступила на ин.яз., думала, буду переводчиком или в какой-нибудь фирме работать. Но на третьем курсе нас потащили на практику в школу — просто посидеть на уроках. И мне... понравилось. Видишь, как у детей глаза загораются, когда они понимают тему? Это такой кайф.

Она сделала глоток чая, и её лицо на мгновение осветилось тёплым воспоминанием.

— После универа получила диплом и устроилась в свою же бывшую школу. Первый год был адом, конечно, я ночами плакала от бессилия. Но потом втянулась. Дети — они же живые, с ними интересно. Даже самые трудные. Каждый день, как маленькое приключение.

— Так, а... в чём же подвох? — не удержался я.

— А подвох в том, что учитель — это на 20% работа с детьми, а на 80% — борьба с системой, — её голос стал жёстче. — Эти бесконечные отчёты: «анализ каждого урока», «планы по личностному росту ученика», «цифровизация образовательной среды». Сидишь ночами, заполняешь таблицы, которые никто никогда не посмотрит. А ещё совещания. По три часа обсуждают, какого цвета должны быть папки для портфолио. У тебя выгорание по полной, а тебе сверху спускают новый приказ — провести «Урок мужества» с обязательным фотоотчетом в тринадцать инстанций. Я приходила домой и просто падала без чувств. Ни на что не было сил. Ни на кино, ни на книги, ни на личную жизнь.

Она посмотрела в окно, на проезжающие машины.

— В какой-то момент я поняла, что ненавижу то, что любила. Что смотрю на детей не как на личностей, а как на источник проблем и поводов для очередного отчёта. И я уволилась. Просто не вышла с сентября. Нашла эту работу в магазине. Здесь я прихожу, взвешиваю товар, улыбаюсь покупателям, и в пять часов вечера у меня голова абсолютно свободна. Никаких мыслей о работе. Я снова могу читать книги, ходить в кино. Жить. А на дипломатию пошла на заочку... Ну, может, это и глупо, но языки-то я всё равно знаю. Вдруг пригодятся для чего-то более осмысленного, чем отчёт о проведении школьного тура олимпиады.

Я слушал, заворожённый. Это был не сухой пересказ биографии, а исповедь. И в ней была та самая жизнь, которой мне так не хватало — со сложностями, ошибками, поисками.

— Это не глупо, — тихо сказал я. — Это по-человечески. И очень смело — развернуться и уйти, когда понял, что дело не твоё.

— А ты? — спросила она с искренним интересом. — Твоя «свобода» ... Она же не с неба свалилась?

Я вздохнул. Рассказать в духе «получил наследство и забил» было бы слишком просто и нечестно по отношению к её откровенности. И моя возводимая три года плотина интровертности прорвалась...

— Нет, не с неба, — начал я, крутя в пальцах бумажную салфетку. — Была у меня обычная жизнь. Неплохая, в общем-то. Работал в IT-конторе, тестировщиком. Деньги нормальные, коллектив приличный. Но с девяти до шести, понимаешь? Каждый день один и тот же маршрут: метро, офис, метро, дом. Как белка в колесе. По выходным — отсыпался, пытался успеть пожить, но в воскресенье вечером уже накатывала тоска от предстоящего понедельника.

Я сделал паузу, вспоминая то ощущение.

— А потом умерла бабушка. Она меня одна подняла, мы жили с ней в шикарной квартире на Малой Бронной. После неё эта трёшка перешла ко мне по наследству. И я... я просто не

смог туда вернуться. Сдал её в аренду за бешеные деньги и свалил сюда, в Одинцово. Одну сдаю, вторую снимаю, на разницу живу. Сначала думал: годик отдохну, приду в себя, потом решу, куда двигаться. Сначала было кайфово. Просыпаться когда хочешь. Не оправдываться перед начальником. Смотреть сериалы сутками, читать всё подряд. Я даже осознанными снами увлёкся — это когда понимаешь, что спишь, и делаешь во снах всё, что захочешь. Летаешь, сражаешься, творишь магию... — я нервно усмехнулся. — Это был мой личный рай. Лучше любого наркотика.

— Но что-то пошло не так? — мягко спросила Даша.

— Рай оказался с душком, — горько сказал я. — Год прошёл, потом второй. А я... я так и не «пришёл в себя». Не захотел никуда «двигаться». Деньги текли, жилось хорошо. А зачем что-то менять? Сначала ты просто бездельничаешь, а потом понимаешь, что это и есть твоя жизнь. Ты не архитектор, не программист, не учитель. Ты — профессиональный бездельник. И самое страшное... ты к этому привыкаешь. Дни начинают сливаться. Происходит какая-то чудовищная энтропия. Вроде бы, у тебя куча времени, а ты ничего не успеваешь. Не можешь даже посуду помыть. Просто лежишь и листаешь ленту, смотришь очередной сериал, потому что любое действие требует усилий, на которые у тебя уже нет сил. И ты смотришь на людей из окна — они куда-то спешат, у них есть цели, проблемы, да что угодно! И чувствуешь себя призраком. Пустым местом. Свободным, абсолютно свободным... и абсолютно несчастным. Я стал никем, Даша. И вроде бы, это был мой сознательный выбор, но теперь это похоже на клетку.

Я выдохнул, опустошенный. Я не планировал вываливать всё это на первого встречного, но её спокойный, неосуждающий взгляд вытянул из меня эту гниль наружу.

— Звучит заманчиво, — повторила она, но теперь в её голосе не было и тени иронии. — И одновременно ужасно.

— Вот именно, — кивнул я. — Иногда это комфортабельная тюрьма. И я, кажется, забыл, где дверь. А может, просто боюсь, что за ней уже ничего нет.

Она внимательно посмотрела на меня.

— А ты не боишься. Ты просто забыл. Что свобода — она не в том, чтобы ничего не делать. А в том, чтобы иметь выбор. Ты свой сделал — отгородился. А теперь, может, просто пришло время выбрать что-то другое? Хотя бы просто выйти на прогулку без этого чувства вины.

Её слова попали в такую точку, что у меня даже перехватило дыхание. Мы просидели ещё почти час, болтая о всякой ерунде — о том, как изменился город, о новых сериалах, о ценах, которые растут как на дрожжах. И я забыл. Я забыл про ледяной шёпот, про страх, про мокрую простыню. Впервые за много часов я просто жил в моменте.

Прощаясь, я, набравшись наглости, спросил:

— Слушай, а может, как-нибудь погуляем? В парке, например. Если, конечно, тебе это не кажется странным.

— Почему же странным? — улыбнулась она, протянув мне старую визитку репетитора по английскому языку. — Давай. Только я на следующей неделе во вторую смену. Напиши в Вотсап, договоримся.

Я вышел из пекарни со странным чувством лёгкой, тревожной надежды. Мир снова обрёл краски. Вернувшись домой, я развесил бельё и с внезапным, иррациональным приливом сил протёр пыль на столе и помыл несколько тарелок. Не ради чистоты, а ради того, чтобы что-то сделать. Чтобы доказать себе, что могу. Но на этом запал кончился...

Потом был чат сновидцев с его рациональными советами, но главное, что я там увидел, — это то, что завтра очередная встреча. Надо сходить, там всегда очень весело. Далее были бессмысленные поиски в интернете, где про «Морену» рассказывали либо сухие учёные, либо пугающие эзотерики. Ничего настоящего.

Вечером я вышел на улицу и пошёл быстрым шагом по парку, не бежал, а именно шёл, вдыхая холодный воздух полной грудью. Я смотрел на огни окон, на людей, и они больше не казались мне статистами в моём унылом спектакле.

Но когда я вернулся и лёг в постель, паника накрыла меня снова. Темнота за окном была густой, живой. Я закрыл глаза, пытаюсь ухватиться за воспоминание о смехе Даши, о тепле чая в руках, о простом человеческом разговоре.

«Просто сон, — шептал я в подушку. — Просто сон...»

Но из глубины поднимался другой шёпот, ледяной и неумолимый. Он ждал. И тишина между ударами сердца была громче любого звука.

Я стоял перед дверью аудитории 34 и с ужасом понимал, что сегодня зачёт по высшей математике, к которому я не подготовился ни капли. В голове паника, во рту пересохло. Я нервно переминался с ноги на ногу, смотря на заветную дверь с табличкой «Доцент Козодуб И.В.». Из-за неё доносились приглушенные голоса. Сейчас зайду, и начнется позор.

Вдруг я почувствовал лёгкое прикосновение к своему плечу. Обернулся. Рядом стояла девушка. Незнакомка. Но такая красивая, что у меня перехватило дыхание. Длинные светлые волосы, большие серые глаза, чуть раскосые, и лёгкая, обворожительная улыбка. Она была одета в простую стильную куртку и джинсы, выглядела как студентка старшего курса.

— Нервничаешь? — сказала она, и её голос звучал как мёд, тёплый и бархатный. — Не парься из-за Козодуба. Он сегодня добрый. Все сдадут.

Я растерянно уставился на неё. Красота её действовала парализующе.

— Да я... я вообще ничего не знаю, — пробормотал я, чувствуя себя полным идиотом.

— Пустяки, — она мягко взяла меня за руку. Её пальцы были удивительно нежными и прохладными. — Я тебе помогу. Пойдём, я всё тебе объясню. Ты же умный, быстро схватишь.

Она потянула меня ко двери аудитории. Её прикосновение вызывало странное доверие. Весь мой страх куда-то испарился, растворился в её улыбке. «Какой зачёт? — думал я. — Главное, что эта девушка ко мне прикоснулась».

Она свободной рукой повернула ручку и толкнула дверь. Я сделал шаг за порог, всё ещё глядя на неё.

И мир перевернулся.

Вместо шумной аудитории с рядами столов и доской нас встретила абсолютная, густая тьма. Плотная, почти осязаемая чернота. Воздух стал ледяным и влажным, пахнущим гнилой листвой и промозглой сыростью. Дверь с глухим стуком захлопнулась за спиной, и звук из коридора мгновенно исчез, сменившись звенящей, давящей тишиной.

Я отпустил её руку и отшатнулся.

— Что это? Где мы?

Девушка повернулась ко мне. Её прекрасное лицо исказила гримаса насмешливого презрения. Те самые серые глаза стали пустыми, как у мёртвой рыбы. А потом её черты поплыли, как будто кто-то провёл мокрой тряпкой по рисунку на песке. Кожа побелела, стала полупрозрачной, проступили синие жилки. Длинные волосы истончились, превратившись в седые, жидкие пряди. Из изящной студентки она за несколько секунд превратилась в тошную, сгорбленную старуху в лохмотьях, с длинными костлявыми пальцами и когтями. Я отпрянул от неё, наткнувшись на что-то твёрдое и холодное.

И замер.

Потому что я понял. Не просто испугался, а осознал. Предельная ясность, знакомая по лучшим осознанным снам, накрыла меня с одной лишь чудовищной разницей — отчаянием.

Это была не просто потеря контроля над сюжетом, меня выдернули из этого сюжета... из обычного сна... Это был чужой мир. Его законы были мне не писаны. Воздух был густым и мёртвым, пространство — враждебным. Это была Навь. Я осознался в Нави!

И в тот самый миг, когда эта мысль оформилась, из самой сердцевины тьмы на меня упал взгляд. Холодный, тяжёлый, безразличный. Морена уже была здесь. Не было эффектного появления, как в прошлый раз — она просто была, как будто всегда стояла на этом месте, а я лишь сейчас обрёл способность её видеть.

Всё дальнейшее произошло за одно мгновение. Она сделала шаг — и оказалась прямо передо мной. Её рука в белой, инистой перчатке легла на моё плечо.

— Ну здравствуй, Андрей! Рада, что ты снова заглянул.

Она повернулась к уродливой старухе.

— Хорошая работа, Ночница!

Она снова повернулась ко мне, и её пальцы сжались с силой стального капкана. Боль была невыносимой, будто в тело вогнали сосульку. Я захрипел, чувствуя, как холод растекается по венам.

Она не сказала ни слова. Лишь на мгновение её взгляд стал чуть внимательнее, чуть любопытнее, как будто она смаковала мои боль и страх. Потом она просто разжала пальцы и отступила назад, растворяясь в темноте, как будто её и не было.

Ночница склонилась в низком поклоне и исчезла вслед за своей госпожой.

А я остался один. И тут же Навь ожила.

Тьма стусилась, превратившись в липкую, тягучую жижу. Я попытался сделать шаг, но ноги увязли по щиколотку. Не в грязи, а в чём-то холодном и шевелящемся. Я посмотрел вниз и увидел, что стою по колено в зыбучей топи из бледных, извивающихся червей. Они лезли под джинсы, прилипали к коже, их мерзкие прохладные тела извивались на ощупь. Я закричал и попытался вырваться, но чем сильнее я дёргался, тем глубже погружался. Жижа уже доходила до пояса, невыразимо тошнотный запах тления бил в нос. Черви ползли по рукам, к шее, заползали за воротник. Я отчаянно сдирал их с себя, чувствуя, как их тельца лопаются под ногтями, оставляя липкую слизь. Это было так реально, так осязаемо, что мой рассудок начал трещать по швам. Я захлебывался отвращением и ужасом, когда они начали забиваться в рот, нос и уши... теряя от страха последние остатки самообладания.

И мир снова перевернулся.

Пространство сжалось, превратившись в скользкую, пульсирующую трубу. Спустя мгновение я понял, что это чудовищная пасть. Стенки были липкими и живыми, сжимались, проталкивая меня вглубь. Я барахтался в узком проходе, задыхаясь от смрада разложения и желудочной кислоты. Всё вокруг булькало и хлюпало. Меня переваривали заживо.

От физического бессилия я уже почти перестал сопротивляться, когда почувствовал резкий толчок в бок, вырывающий из этой утробы.

— Проснись!

И снова резкий, сильный толчок в бок.

— Эй! Просыпайся!

Я не услышал, а именно почувствовал этот хриплый, незнакомый окрик.

С воплем, от которого зазвенело в ушах, я подскочил в своей кровати, жадно хватая ртом воздух своей комнаты. В горле стоял ком, плечо обжигала боль.

В полумраке, у кровати, стоял какой-то коротыш. Бородатый, коренастый, в какой-то потёртой телогрейке. Лица я разглядеть не мог, только смутный силуэт.

— Кто... ты? — просипел я в шоке, отползая к стене.

— Захар я. Хозяин в этом доме. А по-вашему — домовый, — ответил он каким-то глухим беззлобным ворчанием. — Кто в доме порядок блюдёт, чтоб всякая морозная нечисть по ночам в окна не ломилась!

Он шагнул ближе, и в тусклом свете, пробивавшемся из окна, я разглядел его получше. Действительно невысокий, коренастый мужичок в потёртой телогрейке, с лицом, испещрённым морщинами.

— Ты её, Морену-то, раскудахтал, вот она на тебя и вышла, — продолжил он, качая головой. — В Навь провалился, дуралей. Еле выдернул. Чую её метку на тебе, это надолго. Теперь ты у неё на крючке.

Он говорил просто и прямо, без всяких загадок. И от этой простоты стало чуть легче.

— А теперь спи, — приказал Захар, и его голос приобрёл оттенок неоспоримой власти. — Пока я рядом, она не пройдет. А утром разберёмся.

Он махнул рукой, и на меня накатила волна тяжёлой, непреодолимой дремы. Я не стал сопротивляться. В последний момент я увидел, как он садится в кресло в углу и растворяется в тенях.

Глава 5. Откровения домового

Проснулся я от того, что по глазам скользнул луч зимнего солнца. Резко сел на кровати, сердце колотилось, как сумасшедшее. В горле пересохло, а в голове — каша из обрывков ночных кошмаров. Ночница... Морена... Домовой?

Огляделся. В комнате было пусто. Никаких коренастых мужичков в телогрейке. Вокруг царил тишина и покой. На часах светились цифры — 09:47. Для меня, обычно встающего ближе к обеду, это было почти что на рассвете.

«Сходи к психиатру», — первое, что пришло в голову сквозь панический туман. Звучало это настолько логично, что я даже немного успокоился. Галлюцинации на фоне социальной изоляции, переутомления от ничегонеделания и злоупотребления сновидениями. В глазах специалиста я, наверное, буду выглядеть реально сумасшедшим. Но, в любом случае, надо просто записаться, выпить таблеток, и всё это волшебство рассосётся.

С этим почти утешительным планом я побрёл в ванную. Отражение в зеркале было бледным, с синяками под глазами, но, в целом, человеческим. Никаких явных следов безумия. «Работает же психика, вытесняет все страхи», — с горькой иронией подумал я.

Я принял контрастный душ, сдирая с себя липкие следы кошмара. Поел на скорую руку, не заваривая кофе — руки дрожали. Вызвал такси до Чистых прудов. Встреча сновидцев была только в четыре, но я готов был просидеть в кафе всё оставшееся до неё время, лишь бы не оставаться один на один с этими стенами.

Погода была обманчиво хорошей: минус три, солнце, голубое небо. Москва сверкала зимней строгостью. Я вышел у метро и просто пошёл, куда глядят глаза. Заходил в книжные магазины, глазел на витрины, пил кофе из бумажного стаканчика, пытаюсь вдохнуть в себя эту нормальную, людскую, шумную жизнь. Получалось плохо. Сквозь городской гул пробивался дребезжащий внутренний звон.

В кафе «Рагни» я пришёл первым. Потихоньку начали подтягиваться остальные. Компания собралась небольшая, но проверенная: Дима — главный идейный вдохновитель встреч, другой Дима со своей супругой Алиной, всегда спокойная Инга и мудрая Галина. Все они были образованными, начитанными людьми с огромным опытом в осознанных сновидениях. Пили чай, кофе и ели печенье и пирожные. Разговор сначала тёл о бытовом, о новых книгах, о работе.

И тогда я, набравшись смелости, решил выложить свои зловключения. Утаив, естественно, про домового — чтобы не решили, что у меня окончательно «фляга потекла». Рассказал про Морену, про Навь, про ледяные ловушки и всепоглощающий ужас. Все слушали внимательно, не перебивая.

Когда я закончил, в воздухе повисла тягучая пауза. Первой нарушила молчание Галина. Её голос, обычно мягкий, сейчас звучал с металлической твёрдостью.

— Андрей, то, чем ты увлекаешься, — это не просто аттракцион для полётов и битв. Это ключ. И ты им открыл дверь в миры, о которых даже не подозревал. И далеко не все их обитатели... безопасны. Некоторые могут быть смертельно опасны.

Я молчал, и она, видя моё замешательство, продолжила мягче:

— Ты же не первый день в теме? Читал всякое — и Кастанеду, и про тибетские практики... Большинство к этому как к сказкам относятся, пролистают и забудут. А зря. Между строк там — не просто эзотерика. По сути, это техники безопасности. Обрывочные, да, но единственные, что у нас есть.

Её слова били точно в цель, круша мой аккуратный научно-материалистический мирок.

И тут заговорила Инга:

— Андрей. Магия существует. Но она не такая, как в кино. Она древняя, тихая и подчинена законам, которые твой рационализм отказывается принимать. И все эти древние пан-

теоны богов, мифы, легенды о ведьмах и оборотнях... Они возникли не на пустом месте. Это — воспоминания. Воспоминания человечества о том времени, когда эти законы были частью повседневности.

Я молча переводил взгляд с одной женщины на другую, пытаюсь найти хоть какой-то намёк на шутку, но не находил.

— Посмотри на нас. На меня, на Алину, на Ингу, — Галина обвела взглядом их маленький круг. — Скажи, что у нас общего?

Я растерянно смотрел то на Галину, то на Алину, то на Ингу. Блондинка, шатенка, брюнетка — три разных типажа, три разных вида притяжения: пронзительный взгляд, дикая грация, мудрая хрупкость.

Почувствовав себя школьником у доски и, покраснев, я пробормотал:

— Я не знаю... Вы все... красивые?

— Вот именно, — кивнула Галина, и в её улыбке была бездна понимания. — Но это красота не от кремов и диет, Андрей. Это сила. Та самая сила, о которой я говорю. Она изнутри наружу прорывается. Она меняет плоть, делает её... больше самой себя. Ты видишь лишь отблеск. Отсвет истинной природы.

Она посмотрела на меня прямо, и её глаза словно стали глубже, темнее.

— Мы — те, кого раньше называли ведающими. Ведьмами, если тебе так проще.

Повисла оглушительная тишина. Мой мозг отчаянно пытался найти логическое объяснение.

— Ведьмы? — выдавил я. — Но... как? Вы все серьёзно сейчас? — У меня мелькнула надежда: а вдруг это просто розыгрыш? — Сейчас тут чай попьём, а после на шабаш полетите?

Алина не сдержала счастливого смешка, а на лице Инги появилась лёгкая улыбка.

— Андрей, — мягко сказала Галина. — Шабаши и прочее — это сказки. Настоящая сила не кричит о себе. Она тихая. Она в умении слышать мир, чувствовать его токи, видеть узоры судьбы. Мы не летаем на метлах. Мы... просто знаем немного больше. И можем немного больше.

— А Дима?... — растерянно спросил я и посмотрел на второго Диму, мужа Алины.

Тот спокойно улыбнулся и обнял супругу за плечи.

— Я, можно сказать, в курсе. И даже кое-что понимаю в этом сам. Просто моя стезя... другая.

— Ты столкнулся с реальной древней богиней, — тихо, но чётко сказала Инга, возвращая разговор в прежнее русло. — С одной из фундаментальных сил. Зима, Смерть, Забвение. И она голодна. Особенно сейчас.

Встреча длилась ещё час, но я плохо помнил детали. Моё сознание переваривало услышанное. Выйдя на улицу, я снова окунулся в вечернюю Москву. Но теперь город виделся мне иным. Я смотрел на огни фонарей, и мне казалось, что я вижу не просто свет, а дрожание энергии. Я видел, как тени между деревьями живут своей собственной, густой жизнью. «Магия существует...» — пронеслось в голове. Ведьмы... Это знание не пугало, а наоборот, странным образом успокаивало. Я был не один в этом новом, пугающем мире. У меня есть единомышленники. Знающие, невероятные и настоящие.

Поездка на такси домой прошла в тишине. Я смотрел в окно на мелькающие огни и думал не о своих кошмарах, а о легендах про драконов и живших миллионы лет назад динозаврах. Совпадение? Не думаю. И, возможно, многие сказки на самом деле — правда. Только правда эта оказалась куда страшнее и величественнее любой сказки.

Приехав домой, я сразу отправился в душ — второй раз за день. Потоки воды всегда успокаивают и очищают, причём не только физически, но и морально. Потом, вспомнив про запас сдобы из пекарни, натянул треники и поплёлся на кухню. Достал из холодильника пирог, остав-

шийся с обеда, отрезал половину и сунул в микроволновку. Знакомое жужжание было таким земным, успокаивающим звуком. Механические действия реально немного успокаивали.

— Добрый вечер, Андрей.

Голос прозвучал прямо за спиной, негромкий, хриловатый и абсолютно реальный.

Я вздрогнул так, что чуть не выпрыгнул из треников. Медленно, с трудом повернулся.

На кухонном табурете, закинув ногу на ногу, сидел он. Тот самый низенький коренастый мужичок в потёртой телогрейке. Захар. Он сидел, как у себя дома, и смотрел на меня усталыми, но очень внимательными глазами.

— Ты... — я попытался что-то сказать, но язык не слушался.

— Я, — просто подтвердил он. — Успокойся и не бойся. Вижу, тебе тяжело. Мир-то твой с ног на голову перевернулся. Но слухай меня, и всё по полочкам разложится.

Микроволновка с писком сообщила, что пирог готов. Звук вернул меня к реальности. Ну, к той, что пока ещё была реальностью.

— Пирог-то вынимай, а то остынет, — деловито сказал Захар. — И чайку ставь. С вареньем, коли есть. Говорить будем.

Я молча выполнил его просьбу, движения мои были скованными, как у робота. Достал ещё две кружки, заварил чай, поставил на стол тарелку с тёплым пирогом, предварительно разрезав его и жестом пригласил домового. Захар кивнул одобрительно и взял кружку своими грубыми, мозолистыми пальцами. Казалось, он стал даже плотнее, реальнее, от пары глотков горячего чая.

— Так ты кто? Домовой? — первым нарушил молчание я, и собственный голос прозвучал неестественно громко в тишине кухни.

Захар усмехнулся, поглаживая бороду, и снова сделал глоток. Свет лампочки над чайником отражался в его тёмных, как изюм, глазах.

— Домовой? Раньше, паря, так и было. В каждом доме — свой хозяин. В избах, в хоромах... Мир простой был. А потом... — он сделал широкий жест рукой с кружкой, словно стирая ладонью старый мир и указывая на все окружающие многоэтажки за окном, где в ночи горели жёлтые квадраты окон, — ... это понастроили. Этажи да квартиры, как соты. И пошла наша братия с тоски пропадать. Не напасть домовых на каждую однушку-двушку, ей-богу. Сил не хватает.

— И что же вы сделали? — я сам удивился, как легко это «вы» слетело с языка.

— А пришлось перестраиваться. Как и всем. Кто в лифтах прижился, кто в подвалах... А мне, вот, целый ярус доверили. Не домом единым теперь живём, а ярусами. Так что, я теперь не домовый. Я — Домояр. Хозяин не избы, а пласта. Слежу, чтоб на моём ярусе сквозняки по коридорам не гуляли, соседи друг другу жить не мешали... — и тут он сурово глянул на меня, и по его лицу пробежала тень, — ...и чтоб всякая морозная нечисть без спроса в гости не ломилась. Объём работы, сам понимаешь, не сравнить с печкой да веником.

— Понимаю, — я кивнул, и костяшки пальцев побелели, когда я сжал свою кружку. Глоток чая был горьковатым и обжигающим. — Но принять и поверить во всё, что происходит, очень тяжело.

— Первое, что тебе понять надо, — начал он, отламывая пальцами кусок пирога. Крошки рассыпались по скатерти. — Ты в Нави побывал. По-нынешнему — в астрале, что ли. Дверь туда один раз открыл, она теперь до конца жизни приотворена будет. Мироощущение твоё другое отныне. Ты больше видеть стал. Меня, к примеру. Того, что от обычных людей скрыто.

— Я типа экстрасенс теперь? Могу в шоу участвовать? — коряво попытался я пошутить, и голос дрогнул на высокой ноте.

— Нет, — он фыркнул, и крошечка мака с его бороды упала на стол. — Но теперь для тебя и Мир Кромки явью станет, и Троепутье откроется.

— Стой, погоди, — перебил я, поднимая ладонь, будто пытаюсь остановить поток, в голове гудело от перегрузки. — Что за «Кромка»? Что за «Троепутье»? Это что, из какой-то древней книги?

Захар хмыкнул, ничуть не обидевшись, и вытер губы рукавом рубахи.

— Из жизни, парень. Из самой что ни на есть старой жизни. Мир — он не один. Их три. Явь — вот это вот всё, — он обвёл рукой кухню, указав на холодильник, гудевший, как уставший зверь, на немытую кастрюлю в раковине и на мою же футболку, брошенную на стуле. — Навь — то, куда ты вчера заглянул. И Правь — мир законов, где всё правильно да по чину. Так вот, там, где один мир с другим стыкуется, — там и есть Кромка. Как край одеяла, который подоткнуть забыли. А Троепутье — это где все три края сходятся в одной точке. Как распустье на дорогах, только дороги эти в разные миры. Раньше люди чуяли эти места, капища там ставили. А теперь слепые стали. А ты прозрел. Вот и всё.

От этого объяснения в животе похолодело. Звучало это уже не как бред сумасшедшего, а как холодная, неоспоримая правда, от которой не спрятаться.

— А чтобы далеко не ходить, взгляни-ка сюда, — Захар ткнул пальцем в моё левое плечо, словно ставя точку в своём объяснении. Его палец был шершавым и тёплым.

Я посмотрел и почувствовал, как кровь отливает от лица. На коже, чуть ниже ключицы, проступал странный узор, ровно в том месте, где меня коснулась рука Морены. Словно кто-то вывел инеем на стекле. Это было похоже на славянский крест, но более сложный, с завитками и угловатыми линиями. Он был бледно-голубоватый, почти прозрачный, но виден совершенно отчётливо, как шрам от обморожения.

— Это... что это? — промямлил я, и язык казался ватным.

— Это её знак, — без обиняков сказал Захар. — Морена метку на тебя поставила. Печать. Теперь, когда ты во сне, а сон к Нави ближе, чем явь, ей проще тебя найти. Как маяк ты для неё. Особенно на тех самых Кромках да у Троепутья.

От этих слов по спине побежали мурашки, будто по коже провели льдинкой. Я вскочил так резко, что стул закрипел и едва не опрокинулся.

— Так зачем я ей сдался?! Ну окей, я вёл себя как последний кретин, когда встретил её! Максимум, блин... Я извинюсь! Скажу, что это шутка была неудачная! Она что, обидчивая что ли, как человек?

Захар усмехнулся, и в его усмешке не было злобы, а была какая-то древняя, усталая мудрость, словно он видел таких дуралеев тысячи.

— Обидчивая? Нет, парень. Она — голодная. Твой страх, твой ужас — это для неё пища. Сила. Нынче модно говорить «энергия». Забыли её люди. Не помнят, не почитают, как встарь. Силу свою она растеряла. Осталась у неё только зима, да и та не та, что раньше. Так что страхи олухов, которые сами, по своей воле, с её иллюзиями в снах сталкиваются, для неё — как крошки с барского стола. Крупичицы. Но хоть что-то.

Я опустил на стул, смотря на свой нетронутый пирог, который вдруг показался мне куском глины. В голове медленно складывалась жуткая картина. Я не случайная жертва. Я сам, своей глупой гордыней, поставил себя на её стол. Как идиот, полезший в клетку к тигру, чтобы доказать свою крутость.

Захар отхлебнул свой чай и с удовлетворением вздохнул, поставив кружку на блюде с тихим звоном.

— Ну, а теперь слушай дальше. Потому что, если ты не хочешь стать её зимним пайком, тебе многому учиться придётся. — Сказал Захар, и в его глазах, глубоко на дне, мелькнула искорка чего-то похожего на азарт. — Первое правило, — он поднял указательный палец, и тот казался корявым сучком, — и самое главное. Не бойся. А точнее — бойся, это естественно, но не корми её своим страхом. Она чует его, как волк чует кровь. Твой ужас — это для неё как

ароматный пар от свежего мяса. Чем сильнее ты трусишь, тем вкуснее для неё, и тем больше силы она получает.

— Легко сказать, «не бойся»! — вырвалось у меня, и я с силой провёл рукой по лицу, пытаясь физически стереть остатки сна из памяти. — Она же меня чуть не съела в той... пасти! Или это были черви? Я уже и не помню!

— Помнишь, — спокойно парировал Захар, и его спокойствие было оглушительным. — Просто мозг твой старается забыть, защитить тебя. Но забывать нельзя. Нужно знать, с чем имеешь дело. Её сила — в иллюзиях. Она не может прийти сюда, в явь, и просто разорвать тебя на части. Её власть — над сном, над твоим разумом. Всё, что ты там видел и чувствовал, — это не настоящая физическая боль. Это ужас, который она в тебя вкладывает. Понимаешь разницу?

Я кивнул, сглотнув комок в горле, стараясь вникнуть. Получалось плохо.

— Второе, — продолжил Захар, отхлёбывая последние капли чая. — Держись за явь. Это твоя крепость. Чем крепче ты стоишь на ногах в этом мире, чем больше у тебя тут всяких... якорей, — он с некоторым пренебрежением окинул взглядом заваленную посудой раковину и пыльный пол, — тем сложнее ей тебя выдернуть. Порядок в доме, простые дела, общение с людьми. Да-да, — он хмыкнул, увидев мою гримасу, — с девками гуляй, болтай и сразу полегчает. Это не просто так. Живая жизнь её силу ослабляет.

Мысль о том, что мытьё посуды и прогулки с Дашей могут быть оружием против богини зимы, казалась абсурдной. Но после двух ночей кошмаров я был готов поверить во что угодно.

— И третье. Ты думаешь, ты такой один, «избранный»? — Захар усмехнулся. — Нет. Таких, как ты, сноходцев да мечтателей, кто по глупости или гордыне дверь туда открыл, всегда хватало. Одних Зов забирал быстро, другие держались. Держались те, кто не бежал от страха, а смотрел ему в лицо. Кто понимал, что сила твоя не в том, чтобы во сне в игрушки свои играть, как на этом ящике, — он презрительно махнул рукой в сторону моего ноутбука, на крышке которого застыл инопланетный корабль из игры, — ...а в том, чтобы просто стоять. Стоять, даже когда ноги подкашиваются.

Он допил чай и тяжело поднялся, и потолок будто стал немного ниже. Костяшки его пальцев хрустнули, когда он потянулся.

— Ну, я пойду. Дела у меня. Квартир на этаже много. А тебе совет: приведи квартиру в порядок, а то совсем свинарник у тебя. И плечо это не ковырай, — он ткнул пальцем в воздух в сторону моей ключицы. — Не сотрёшь. Только до весны продержаться надо. С весной её сила на нет сойдёт, как и этот знак. А там... глядишь, и жить нормально научишься.

Он повернулся и прошёл к двери, не открывая её, а будто растворившись в дереве и штукатурке. Я остался сидеть за столом, массируя пальцами виски. Общаюсь с домовым! Вот это поворот.

В наступившей тишине мои мысли заметались, как мотыльки в банке. Но я всё время возвращался к словам Захара. «Не бойся. Держись за явь».

Суть, выуженная из потока страха и безумия, оказалась до смешного простой. И я, стиснув зубы, решил за неё ухватиться.

Генеральная уборка на ночь глядя? А почему бы и нет? Порядок в пространстве — порядок в голове. С энтузиазмом, которому позавидовал бы сам Максимус, я набросился на квартиру. Через час этот энтузиазм благополучно выдохся, сражённый трёхлетней привычкой к бездействию. Лень, вторая натура, мягко, но настойчиво отобрала энтузиазм и тряпки. Однако маленькая победа осталась за мной: кухня сияла чистотой. Вымытая раковина блестела, как символ надежды. «Первый шаг — он самый сложный... — подумал я философски, разглядывая свой подвиг. — Завтра возьмусь за спальню».

И впервые за эти дни, в моей голове звучала не апатия и не страх, а нечто новое — вызов. Слабый, но настоящий. Как первый луч солнца после самой долгой зимней ночи. Ночь только

начиналась, но теперь у меня был не только страх. У меня появилось знание и новый, очень странный союзник.

Глава 6. Битва в ангаре

Я не мог уснуть. Страх сковал меня, и я ворочался с боку на бок, уставившись в потолок. Раньше я видел в нём просто пятна, а теперь мне мерещились жуткие ледяные трещины. Мысли крутились вокруг одной: в обычном сне я беззащитен, так как не осознан и полностью нахожусь во власти сюжета. До весны мне нужно контролировать каждый свой сон. Только так я мог избежать новой ошибки, похожей на ту, первую.

В отчаянии я начал делать упражнение: стал представлять свои руки. Но я слишком старался, слишком нервничал. Вместо того чтобы расслабиться, я только сильнее взвинтил себя. Сон не шёл.

Тогда я попробовал сосредоточиться на дыхании. «Вдох — я сплю, выдох — это сон», — твердил я про себя, как заклинание. Я дышал, считал и пытался поймать этот ритм. Постепенно, нехотя, сознание начало отключаться, погружаясь в тёмную пустоту.

Я шёл через дорогу по пешеходному переходу. Ни с того ни с сего, с грохотом копыт и скрипом колёс, прямо передо мной пронеслась карета, запряжённая тремя белыми лошадьми. Она промчалась в паре сантиметров от меня, не задев, но воздушная волна отбросила меня назад.

— Эй! Смотри, куда прёшь, придурок! — крикнул я чисто рефлекторно.

Карета скрылась из виду, кучер даже не посмотрел в мою сторону. И тут до меня дошло. Какая карета в обычном московском районе? Стоп. Может, это сон?

Я поднял руки и посмотрел на ладони. На каждой было по четыре пальца. Точно. ЭТО СОН.

Мир вдруг стал невероятно чётким, как будто включили высшее качество картинки. Всё вокруг стало ярче, звуки — громче и отчётливее. Я стоял на улице и чувствовал под ногами каждую неровность асфальта. И тут я всё вспомнил. Морена. Навь. Печать на плече, которая, наверное, сейчас горит ледяным холодом. Моя задача.

План был простым и прямолинейным — мне нужно было защищаться.

Я закрыл глаза. «Я — командир спецназа. Опытный, хладнокровный профессионал». Открыл. На мне была полная экипировка — камуфляж, бронежилет, в руках — знакомый по прошлым сновиденным похождениям автомат. Вес его был удивительно реальным.

Я посмотрел на ближайшее здание — контору нотариуса. Отлично. «За этой дверью мои люди, — подумал я. — Они ждут меня и готовы к обороне».

Я толкнул дверь, переступил порог, и пространство изменилось. Вместо маленького офиса я оказался в огромном полутёмном ангаре. Вокруг, укрывшись за ящиками и балками, замерли бойцы в такой же форме. Их лица были серьёзными и сосредоточенными, хотя и невыразительными. В ангаре было только два выхода: огромные ворота и маленькая калитка в них. Окон не было. Это была идеальная крепость.

— Доложите обстановку! — скомандовал я, мой голос прозвучал чужим, но уверенным.

— Объект заблокирован, командир! Никто не проникнет! — отчеканил один из бойцов.

И в этот момент, по металлическим створам ворот, побежали сизые жилки изморози. Они расплзались с пугающей скоростью, с шипением и треском, будто по раскалённому металлу. Ангар наполнился леденящим дыханием, от которого стыла кровь. Металл ворот со скрежетом промерзал насквозь, превращаясь в глыбу синеватого льда. Воцарилась абсолютная, давящая тишина, которую резал лишь треск лопающегося металла.

А потом ворота взорвались внутрь миллиардом бритвенно-острых ледяных осколков.

В проёме, в облаке ледяной пыли, стояли в ровный ряд уродливые снежные фигуры с горящими угольками вместо глаз. А с неба, пронзая ледяную дымку, на нас пикировали огромные совы с когтями из сосулек.

— Огонь! — заорал я, и ангар огласился оглушительной стрельбой.

Начался кошмар. Мои бойцы отстреливались яростно. Очереди трассирующих пуль буквально разрывали снеговиков на куски и те таяли прямо на глазах, оставляя на полу лужи грязной воды. Огромные совы с размаху врезались в бетонный пол с противным хрустом, разбиваясь вдребезги.

Но они не прекращали лезть вперёд. Новая волна катилась за волной, без пауз, без эмоций, молча. Просто бесконечный поток.

— Прикройте! — кто-то крикнул слева, и его голос тут же потонул в визге очередной пикирующей совы.

Воздух стал густым от пороховой гари и ледяной крошки. Уже не было слышно отдельных выстрелов — только сплошной оглушительный грохот. Я видел, как один из бойцов, отбросил пустой магазин и вогнал новый одним резким движением, не прекращая огня. Совы падали одна за другой, разбиваясь о ящики и балки, их ледяные когти царапали металл с визгом, бьющим по нервам.

И вдруг я осознал, что стрельба стала редеть. Последняя сова, прошенная очередью с двух стволов, с оглушительным треском шлёпнулась о стену и замерла, оставив на бетоне мокрый ледяной след.

На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, пробиваемая лишь шипением горячих стволов и тяжёлым дыханием уцелевших.

Я стоял, тяжело дыша, среди дыма и осколков льда. Победа. Но стоило мне подумать об этом, как появились новые участники этого ледяного шоу. Из тени за грузовиком выплыли двое. Две фигуры словно слепленные из мрака и холода, с пустотой вместо лиц. Одна из них издала пронизывающий душу шёпот, от которого кровь стыла в жилах.

И кошмар продолжился. Они двигались с пугающей скоростью, стремительно, отталкиваясь длинными конечностями. Пули в них впивались, но не останавливали. Они продолжали движение, будто их тела были из плотного, вязкого льда, затягивающего раны.

— Бронебойными! — крикнул кто-то, но было поздно.

Одна из нападавших метнулась к крикнувшему бойцу быстрее пули. Раздался короткий, приглушенный хруст. Солдат рухнул на пол, его бронежилет был распорот, словно он был бумажный, а тело мгновенно покрылось плотным ледяным панцирем.

Мы смогли свалить одну, ценой жизни почти всего отряда. Её тело, расстрелянное, как решето, ещё дёргалось на полу, пытаюсь ползти. Вторая, истерзанная, но ещё боеспособная, медленно шла на меня. Я отстреливался, отступая, пока спина не уперлась в холодную стену. Защёлкнул пустой магазин.

Так, отставить панику! Это сон. Мой сон. «У моих ног лежит мой гладиус». Я посмотрел вниз — и там действительно лежал меч. Схватив его, я сделал шаг навстречу. Кошмарное создание было в паре метров, его искажённая тень накрывала меня. Я приготовился к последней, отчаянной атаке.

И в этот миг на моё плечо легла твёрдая, тёплая ладонь. Я услышал хриплый, до боли знакомый голос:

— Хватит, паря. Спи. Я рядом.

Это был Захар. Его слова прозвучали так неожиданно и так вовремя. Пропали и ангар, и тёмная фигура, и меч. Я просто провалился в бездонную, чёрную, пустую тьму, в которой не было ни снов, ни кошмаров. Только тишина и покой.

Проснулся я ровно в девять. Учитывая, что уснул далеко за полночь, проспал часов шесть максимум. Но чувствовал себя... нормально. Как ни в чём не бывало. Мысли о прошедшей ночи я пока отгонял, действуя на автомате: почистил зубы, умыл ледяной водой лицо, поставил чайник. И только с первым глотком горячего растворимого кофе позволил себе взяться за анализ вчерашнего побоища.

«Ангар... спецназ... снеговики... совы... эти твари... Захар...» Мысленный диалог крутился по кругу. Одно дело — слушать теорию, и совсем другое — отстреливаться от летающих глыб льда. И ведь получилось! Пусть и с помощью, но я держался.

И тут осенило: а почему бы не спросить у знающего? Я же теперь не один в этой каше.

— Захар... — тихо позвал я, глядя в угол кухни.

Из-за спины донесся знакомый хриплый голос:

— Погодь, паря. Минут пять.

Я не стал удивляться и кивнул. Достал ещё одну кружку, заварил крепкий чай, порезал последний кусок вчерашнего пирога и поставил на стол. Почти сразу из полумрака коридора вышел Захар. Он молча взял кружку, сделал большой глоток и уселся на табурет.

— Рассказывай! Дёргался во сне ты знатно. Что на этот раз было? — спросил он, отламывая кусок пирога.

— Много чего Захар, — я принялся рассказывать. Про ангар, про спецназ, про снеговиков и огромных сов, а потом и про двух «тёмных девок», как я их назвал. Захар слушал, хмурия седые брови.

— Совы-то эти... вьюжницы, — пояснил он, когда я закончил. — Духи метельные. Снеговиков ты и сам знаешь. А «девки из мрака» — это ночницы. Прислужницы Морены. Морозные духи. Это все мелкие сошки среди её слуг.

— А что, есть ещё кто-то? — спросил я, и в моём голосе прозвучал неподдельный ужас. Если это «мелочь», то что же тогда считается серьёзной угрозой?

Захар рассмеялся, но смех его был безрадостным, скорее усталым.

— Ещё кто-то? Парень, да у Морены целое государство за плечами! Как у царицы полагается. Ты думаешь, она сама будет по сугробам бегать за такими олухами, как ты?

Он отхлебнул чаю и начал водить пальцем по столу, будто рисуя карту невидимых земель.

— Во главе, ясное дело, она. Морена. Королева-зима. А под ней — Карачун. Не чета твоим ночницам. Это её старший воевода, правящий лютыми морозами. От одного его взгляда не кровь — сама душа в жилах леденеет.

Мне стало не по себе. Я молча кивнул, чтобы он продолжал.

— Вьюжницами, что на тебя напали, командует Позвизд. Он вьюгами и метелями заведует. А общим наступлением зимы — Зимник, воевода. Это он реки сковывает и землю в камень превращает. А есть ещё...

— Подожди! — не выдержал я. — Сколько их всего?!

— Главных-то — по пальцам пересчитать, а мелочи... тьма тьмушая, — отмахнулся Захар. — Вот Баба Снежная за снегопады отвечает, под ней снежуря да прочая мелочовка. Ветрами Стрибог ведает, он с Мореной в союзе. А есть ещё карающий спецназ — лихоманки-трясовицы. Зимние хвори. Вот если ты заболеешь с температурой — знай, это они поработали.

Я сидел, ошеломлённый. Это была не сказка, а структура реальной враждебной вселенной, строгая и беспощадная.

— Так что, — Захар посмотрел на меня поверх кружки, — радуйся, что отделался парой ночниц да вьюжницами со снеговиками. Зима силу набирает, дальше хуже будет. Когда привлечёшь внимание кого-то из тех, кого я назвал... — Он многозначительно хмыкнул. — Твои пули и ангары покажутся им детскими погремушками.

— И что мне делать? — спросил я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— То, что и говорил. Держаться до весны. Учиться в снах не бояться. Ты вчера хорошо придумал, с обороной. Твоя территория — твои правила. Но не войой с ними в открытую. Прячься, маскируйся, пережидай. Сила твоя не в кулаках, а в голове. Запомни: они твоим страхом и кормятся. Нет страха — и их сила тает, как снег на весеннем солнце.

Он сделал паузу, окинул меня оценивающим взглядом.

— И телеса свои подкачай. Чтоб дух не свистел, как ветер в худых ветвях. В здоровом теле, паря, не только дух здоровее. Твоё тело тут, в Яви, на диване лежит, а его отголосок, каркас энергетический, с тобой в Нави всегда. Чем он крепче, тем устойчивее против таких тварей стоять будешь. Бегай по утрам, гирей помахай. Усталое тело — смирный ум. И спать будешь как убитый, а не как перепуганная птичка.

Он поднялся, отряхнул крошки с телогрейки.

— Ладно, мне пора. А ты тут приберись. И в людском мире очухайся — Явь лучшая броня против Нави.

На пороге он вдруг остановился и принялся, будто улавливая невидимый след.

— И... свою пустоту залатай. Ты пропитан одиночеством, как подвал сыростью. А эта нечисть на такое чутьё имеет. Найди девушку, чтобы дух твой оттаял и зазвенел. Слышишь? Не для романтики, а для обороны. Живое к живому тянется.

С этими словами он растворился в воздухе, оставив меня наедине с кружкой и осознанием того, что я вляпался в войну с целым пантеоном ледяных божеств. Но странное дело: теперь, зная структуру и возможности противника, страх стал менее абстрактным и более управляемым. Я посмотрел на свой план уборки. Сегодня — спальня. А вечером... вечером снова в бой. Но на этот раз я буду умнее.

Прежде чем браться за спальню, я решил сделать то, что давно откладывал. Написал в Вотсап Даше:

«Привет, это Андрей. Как насчёт того, чтобы погулять сегодня?».

Отправил и застыл с телефоном в руке, словно школьник. Ответ пришёл через несколько минут, как раз когда я доедал последний кусок пирога.

«Привет! Да, с удовольствием. Где и когда?»

В итоге договорились на 16.00 у неё во дворе.

С этой приятной, согревающей изнутри перспективой я с новыми, почти что берсеркерскими силами обрушился на спальню. Три часа! Целых три часа адского труда! Я выгребал хлам из-под кровати, извлекая на свет божий целые пласты моей прежней жизни: старые журналы, одинокий носок, пыльные провода от давно забытых гаджетов, пустые пачки от чипсов. Пыль поднималась столбом, заставляя чихать и вызывая слёзы. Я вытирал её с поверхностей, которые, кажется, не видели влажной тряпки со дня моего заселения, обнажая под липким налётом первоначальный цвет древесины.

Пылесосил ковёр, поднимая целые снежные бури из шерсти, пыли и песка, в котором, казалось, остались следы всех людей, когда-либо переступавших порог этой комнаты. «Господи, как можно было быть такой свиньёй? До чего же себя запустить?» — эта самоуничтожительная мысль крутилась в голове с навязчивой, мазохистской регулярностью. Взгляд, уставший и преисполненный тоски, скользнул в сторону приоткрытой двери в гостиную, а потом и в тёмный провал ванной. Становилось ясно: эпопея с очищением только начиналась.

Затем, вспомнив наказ Захара, я заставил себя заняться спортом. Бегать в моём состоянии было равносильно самоубийству, поэтому я просто час ходил в быстром темпе по парку. Воздух был холодным и колючим, но на удивление бодрящим. Вернувшись во двор, с отчаянием обречённого, я подошёл к турникам. Результаты были удручающими: одно жалкое подтягивание, два хлипких отжимания на брусьях, десять приседаний, сопровождавшихся тревожным хрустом в коленях. Да, я запустил себя по полной программе.

Но странно — после душа и бритья (тщательного, а не как обычно, на скорую руку) я чувствовал себя... иначе. Лучше. Чище. Не только физически, но и как-то изнутри. Осмотр гардероба, правда, вернул лёгкую дозу грусти — вещи приличные у меня были, но явно просили обновления. Тем не менее, я выбрал и погладил самые лучшие джинсы и свитер. К свиданию был готов.

Встретились мы, как и договорились. Даша, как всегда, сияла. Недолго посоветовавшись, решили ехать в Царицыно — там хорошо в любое время года, да и погулять есть где.

И вот мы шли по заснеженным аллеям парка, и я, сам не ожидая того, вдруг начал рассказывать ей о... Зиме. Не о погоде, а о той самой, с большой буквы. О Морене и её дворе, о вьюжницах и ночницах, о Карачуне и Зимнике. Получилось это как-то само собой, легко и интересно — личный опыт, полученный вчера ночью, придавал словам невероятную убедительность. Я не говорил, что верю в это — я говорил так, как будто пересказывал увлекательную древнюю легенду, в которую вдруг начал видеть удивительные смыслы.

Даша слушала, раскрыв глаза, то ли от неподдельного удивления, то ли от заинтересованности, и время от времени поглядывала на меня с новым, незнакомым любопытством.

— Андрей, — наконец выдохнула она, когда я сделал паузу. — Я никогда не слышала, чтобы кто-то так, с такой... страстью рассказывал о славянской мифологии! Это же целый мир, настоящая вселенная! Ты так увлечённо говоришь, прямо видно, что тебе самому безумно интересно.

Я лишь криво улыбнулся в ответ, глядя на заснеженный пруд. Если бы она только знала, насколько это «интересно» мне на самом деле. Какой ценой добыто это «увлечение».

Домой возвращались на такси. Я проводил её до подъезда, и там, на пороге, она неожиданно встала на цыпочки и поцеловала меня в щёку. Её губы были прохладными, а щека пахла морозом и какими-то сладкими духами.

— Спасибо за прекрасный вечер, — сказала она, и её глаза смеялись.

Я шёл домой с ощущением, будто парил над землёй, как тот самый дух, о котором рассказывал. Счастливый, чуть растерянный, с теплом на щеке, которое не хотелось отпускать.

Но стоило переступить порог квартиры, как реальность грубо напомнила о себе. Тишина, чистота на кухне и предчувствие ночи. Впереди была очередная битва. Только теперь у меня были советы домового, а не только страх. А ещё у меня был кусочек живого, настоящего тепла, за которое стоило сражаться. И это придавало сил куда больше, чем любая визуализация спецназа.

Глава 7. Сон и Дрема

Прогулка с Дашей словно смыла с меня липкую паутину постоянного напряжения. Груз на душе всё ещё давил, но я впервые отчётливо понял, что только работа над собой, шаг за шагом, поможет его раздробить и выбросить.

Вернувшись домой, я не стал задерживаться в прихожей — сразу прошёл в ванную. Вода обладает удивительным свойством очищать не только тело, но и сознание, освобождая от тревог и напряжения. Мой собственный опыт лишь подтверждал это. Я включил воду почти обжигающе горячей, встал под душ и зажмурился, позволяя упругим струям бить по затылку и плечам, смывая усталость и мысли о ночных тревогах.

Вытершись насухо грубым полотенцем, я натянул мягкие, поношенные семейные трусы и босиком, наслаждаясь прохладой ламината под ступнями, направился на кухню. стакан воды перед сном вошёл в привычку. Я не стал включать свет, подошёл к окну и прислонился лбом к холодному стеклу. За ним, в жёлтых кругах фонарей, лениво и бесцельно кружились редкие снежинки. Внизу, по тротуарам, торопливо, подняв воротники, шли последние запоздалые прохожие.

Потянувшись к фильтру, я налил полный стакан, сделав несколько мелких, размеренных глотков. Вода была прохладной и чистой. Развернувшись, чтобы идти в спальню, я вдруг почувствовал на себе невидимый взгляд и резко обернулся к окну.

Стекло было сплошь покрыто причудливыми ветвистыми узорами изморози, а в самом его центре проступал тот самый жутковатый символ — знак Морены, точная копия того, что пылал на моём плече. По спине пробежал ледяной холодок, сердце на секунду сжалось в комок, но следом, обжигающей волной, поднялась яростная, почти что животная злость. Она уже здесь. Не только в снах...

Засыпал я, стараясь дышать ровно, и вновь прибегнул к проверенной технике. Лёжа на спине с закрытыми глазами, я пытался увидеть и почувствовать перед собой руки. Мысленно я представлял каждую линию на ладонях, чувствовал лёгкое, почти эфемерное покалывание в кончиках пальцев.

И вдруг я осознал, что вижу их с неестественной, пугающей чёткостью. Каждая пора, каждый линия...

Я медленно потёр ладони друг о друга, ощутив знакомое электрическое сопротивление, будто между ними проскакивали невидимые искры, и почувствовал тот самый, долгожданный «щелчок» смещения реальности.

Сознание прояснилось, как после глотка ледяной воды, а мир приобрёл объём, глубину и насыщенность. Я стоял посреди огромного торгового центра. Под ногами ослепительно блестел отполированный до зеркального блеска кафель, с высокого потолка, словно с небес, лился ровный, безжизненный свет, а по сторонам выстроились в немые шеренги витрины с застывшими в неестественных позах манекенами.

В памяти чётко и ясно, словно набат, прозвучали слова Захара: «Твоя сила не в стволе и не в солдатах, паря, а в башке, что на плечах!» В течение дня я снова и снова возвращался к этой фразе, переходя от материалистических объяснений к мистическим истинам. Осознанные сны раскрывались для меня как портал в неизведанное, где наука уступает место эзотерике.

Я осознал, что сила намерения — это моя главная суперспособность в этом мире. Чтобы её активировать, нужно чётко и уверенно отдавать команды, без тени сомнения. Результат следует принимать как данность. Но самое главное — держать эмоции под контролем, не давая страху взять верх.

Решив не торопить события, я просто пошёл вперёд, не пытаюсь ничего менять вокруг. И тут ко мне, весело подпрыгивая на каблучках, подбежала девушка с пёстрым веером карандашей в руке.

— Молодой человек, у нас как раз сегодня уникальная акция на весь ассортимент французской парфюмерии! Не хотите ли оценить волшебные ароматы? — с нарочито-радостной улыбкой протянула она мне два самых обычных графитовых карандаша.

Я не сдержал короткий, почти истерический смешок. Карандаши! И тут же в голове щёлкнуло: а почему я всегда использовал сновидения как дешёвый аттракцион, гоняясь за сиюминутными удовольствиями? Это же целая вселенная, бездонная и полная неразгаданных тайн!

Эта девушка была всего лишь спрайтом — порождением моего сюжета сна. Я вспомнил, как на одной из встреч сновидцев зашла речь о том, как «сломать» такого персонажа, выведя его за пределы сценария. Тогда я лишь снисходительно ухмылялся, но сейчас представился идеальный случай для эксперимента.

— Скажите, а какое сегодня число? — спросил я её как можно нейтральнее.

У неё просто не могло быть доступа к информации из внешнего, реального мира. Вся её реальность была хрупкой иллюзией.

— Апельсиновый... кактус, молотый... — её глаза потухли, улыбка застыла маской.

— Повторяю вопрос: какое сегодня число? — мягко, но настойчиво нажал я.

— Я... мне надо... меня ждут покупатели! — выпалила она испуганно и, развернувшись, пустилась наутёк, её каблук отчаянно зацокали по кафелю.

Я снова рассмеялся, на этот раз с чувством глубочайшего удовлетворения. Первый опыт удался на славу. Пройдя ещё метров пятнадцать, я оказался у широких стеклянных дверей выхода и шагнул наружу.

И попал в лето. Воздух был тёплым и густым, пахло асфальтом, прогретым за день, и цветами с ближайших клумб. Слепило яркое, почти полуденное солнце. Я начал внимательно вглядываться в детали, выискивая изъяны в этой идеальной картинке. Проходящая мимо дама оживлённо беседовала со своим пуделем, мальчишка на велосипеде, проносясь мимо, крутил педали в обратную сторону, а в салоне медленно проплывающего автобуса на месте водителя было пусто.

И тут я увидел их... Три иссиня-чёрные, словно вырезанные из мрака фигуры... стоявшие неподвижно посреди тротуара и смотрящие прямо на меня. Ночницы.

Спокойно, — сурово приказал я себе. — Никакой паники. Дыши.

Я замер на месте, упёршись в них взглядом. Наша немая дуэль длилась недолго — они плавно поплыли в мою сторону.

Намерение...

Я не стал ничего «представлять». Я просто мысленно приказал: асфальт под их ногами должен стать жидким. Они провалились в него по щиколотку, и в тот же миг серая масса под их ногами с гулким чмоканьем схватилась, превратившись в каменный саркофаг. Сработало! Они застыли в нём, беспомощно балансируя, как сломанные куклы.

Я радостно рассмеялся, но, как выяснилось, слишком рано. Асфальт под ними побелел, покрывшись сетью ледяных трещин. С оглушительным сухим треском ночницы вырвались из ледяного плена, разбрасывая вокруг осколки льда и асфальта.

Счёт 1:1

Я сконцентрировался на левой фигуре. Воздушный кокон. Унести прочь. Тёмная тварь вдруг взмыла в воздух, бессильно барахтаясь в невидимых путях, и стремительно, как пущенная из пращи, исчезла в дымке горизонта. Да! Получилось!

Две оставшиеся ночницы молча, почти синхронно, повернули головы друг к другу, и по беззвучной договорённости рванули ко мне, их движения превратились в сплошной мелькающий зигзаг, скорость была запредельной. На мгновение древний, первобытный страх сжал моё

горло ледяной рукой, но я с силой выдохнул и снова взял себя в руки. Вокруг меня сейчас же формируется непробиваемое силовое поле. Никто не может его преодолеть.

Они ударились о невидимый барьер, не добежав до меня пары метров. Раздался оглушительный удар и их отшвырнуло назад, как тряпичных кукол. Поднявшись, они уже не спеша приблизились к преграде и начали осторожно, со странным любопытством, ощупывать её невидимую поверхность, напоминая мимов, играющих со стеклом. Почти минуту они водили по нему длинными пальцами, а затем замерли и снова уставились на меня пустыми лицами.

Я уже мысленно праздновал победу, как вдруг краем глаза заметил, что улица пуста. Исчезли все прохожие, а из переулков, из-за углов зданий бесшумно возникали новые тёмные силуэты. Десятки. Сотни. В памяти вспыхнула знаменитая сцена из «Матрицы». И тут я окончательно запаниковал.

«Надо что-то делать!» — пронеслось в голове. Я в отчаянии, вложив в крик всю свою накопленную ярость и страх, закричал:

— Помогите! Ну есть же тут кто-то нормальный?!

И в тот же миг опора ушла у меня из-под ног, и я провалился сквозь асфальт в полную, густую тьму.

Вокруг меня витал аромат свежеспечённого хлеба, сушёных трав, развешанных пучками под потолком, и воска. Я находился в просторной, по-деревенски уютной русской избе. В центре стоял массивный стол из тёмного дерева, на котором, сверкая отполированными боками, возвышался медный самовар. Вокруг него в художественном беспорядке громоздились тарелки и блюда с золотистыми баранками, румяными пряниками и вареньем, играющим в стекле янтарными бликами. За столом, под светом горящей на стене лучины, сидели дед и бабка, будто сошедшие со страниц русских сказок.

— Здравствуй, Андрей, — приветливо, с лёгкой хрипотцой в голосе, сказала бабушка, и её глаза, похожие на высохшие ягоды, прищурились в доброй улыбке.

Дед, не произнося ни слова, лишь медленно и веско кивнул своей седой, лохматой головой.

— З-здравствуйте, — выдавил я, всё ещё не придя в себя, но тут же спохватился. — Большое спасибо, что вытащили меня оттуда.

— Да не за что, милоч, не за что, — замахала на меня рукой бабушка. — Чайку, может, будешь? С вареньицем.

Я молча кивнул, чувствуя, как дрожь понемногу отступает, и робко присел на край лавки, ощущая под ладонями шершавость старого дерева.

— Меня Дремой звать, — сказала бабушка, разливая чай по толстым фарфоровым кружкам, — а это братец мой, Сон.

— Очень приятно. Меня Андрей, но вы, я так понял вы, уже в курсе, — сказал я и, сделав глоток обжигающего, душистого чая, осторожно спросил: — Извините за бестактность, а вы... кто будете? Боги?

— Боги, боги... — Сон усмехнулся, и его смех звучал как отдалённый шум ветра в вершинах старых сосен. — Сказать бы — ушедшие боги, и то будет не совсем верно. Старые боги мы, в общем. Только вот народ-то нас подзабыл, оттого и мощь не та, что раньше бывала. Тыщу лет назад мы бы этой Морене хвоста бы накрутили невзирая на её зимнюю стужу. Сны — это наша вотчина исстари, а она тут так, по краешку похаживала.

Он умолк, и в его потухшем взгляде читалась вековая усталость.

— Но нонче времена иные, милоч, — подхватила Дрема, ободряюще кладя свою высохшую, тёплую ладонь на мою руку. — Зима — она вечна. Стихия она. И Морена никуда не денется, покуда метели да стужа есть. Пушай и она не та, что в старину. Но у неё нонче под-

спорье есть. А мы за тобой, соколик, приглядываем, сердцем боеем, а вот так, в открытую, встать не можем. Силёнки не те.

— Зато малость подсобить — это запросто, — Сон поднял на меня свой тяжёлый взгляд. — Дам тебе своё благословение.

Он неспешно поднялся во весь свой немалый рост, сложил ладони лодочкой, будто зачерпнув из родника, и тихо, но так, что каждое слово отозвалось эхом в самой глубине моего сознания, произнёс:

— Благодать тебе на ум.

И мир перевернулся. Вернее, он проявился. Я увидел, как всё вокруг — стены, стол, самовар, даже сами Сон и Дрема — опутано тончайшей, мерцающей паутиной света. Тонкие нити тянулись, пульсировали, соединяя всё со всем.

— Теперь ты лики сновиденья зришь, — пояснил Сон. — Знание это при тебе пребудет всегда. Всякий раз, сон свой начиная, будешь ведать, что во грехе пребываешь. А коль с этими нитями играть захочешь — и не такие фокусы постигнешь.

Я онемел. Это было невероятно. Мечта любого, кто ступал на путь осознанных сновидений. Не просто костыль для пробуждения, а ключ к новым, невероятным возможностям. В памяти всплыли обрывки знаний о том, как на Руси благодарили за такие дары. Я поднялся и низко, до самого пола, поклонился ему:

— Благодарю тебя, Сон-батюшка! От всего сердца, что есть во мне!

Он кивнул, и в уголках его глаз легли лучики морщин.

Тогда поднялась Дрема. Повторив тот же жест со сложенными ладонями, она произнесла:

— Благодать тебе на ум.

Вокруг меня, от макушки до пят, на мгновение возникла лёгкая, мерцающая, как марево в знойный день, дымка и тут же растаяла в воздухе.

— Как прижмёт, соколик, дыши глубже да про дымку эту вспомни, — сказала она, и в её старческих глазах блеснула озорная, живая искорка. — Спрячет она тебя, сделает частью пейзажа любого, и взоры ворогов пройдут мимо, не зацепившись. Али коли из сна в другой сон перейти потребуется — и тут она в подмогу будет.

И я снова, не менее почтительно, поклонился уже ей.

— Благодарствую, Дрема-матушка! Не забуду.

Хамелеон! Вот это настоящая защита! От открывающихся перспектив захватывало дух.

Сон тоже поднялся. Дрема осталась стоять рядом.

— Не по совести она со сноходцами поступает, не по совести, — покачал головой Сон, и его голос стал глуше, словно доносился издалека. — Мы по силёнкам своим помогаем, да не всякому и не всегда удаётся. Мощи не хватает. Ты воззвал — мы отозвались. А теперь ступай. Пора. Нельзя долго тебя от её метки прятать.

Он медленно, как бы нехотя, махнул рукой, и изба, самовар, старики — всё поплыло, расплылось, как картина под струёй воды.

Сознание вернулось ко мне плавно, как будто я всплывал со дна тёплого озера. Я лежал, не открывая глаз, и сквозь веки чувствовал, что за окном уже рассвело. Повернув голову, я взглянул на смартфон: 08:04.

«Подъёмы всё раньше, — с лёгким удивлением подумал я. — Человеком становлюсь». В горле пересохло, но внутри бушевала странная смесь истощения и приподнятости, будто после долгого изматывающего, но победного матча. И сквозь всю эту усталость пробивалось одно жгучее, не терпящее отлагательств желание — рассказать всё Захару.

Я резко сел на кровати, и тут же мою эйфорию пронзила трезвая, прозаическая мысль. Пирог. Они закончились вчера. А звать домового за пустой стол было стыдно. Ударить в грязь лицом перед старым духом, который явно ценил уважение, я не мог.

Я наскоро умылся, натянул первое, что попало под руку, и выскочив из квартиры, помчался в пекарню. Утренний воздух был холодным и бодрящим, но я почти не чувствовал холода, двигаясь быстрым, почти беговым шагом.

Прибыв в пекарню, пахнущую духом свежего хлеба и ванили, я смел с прилавка всё, что казалось достойным: рассыпчатые круассаны с ещё тёплым маслянистым ароматом, румяные ватрушки с творогом, и два солидных мясных пирога — про запас.

Вернувшись домой, я, запыхавшись, принялся накрывать на стол. Расставил тарелки, разложил выпечку, от которой по всей кухне разошлось согревающее душу тепло. Согрел чайник, засыпал в заварник крупнолистовой чай, пахнущий дымком и сушёными ягодами. И только тогда, убедившись, что всё достойно, выдохнул и позвал:

— Захар! Не откажись разделить трапезу.

Пространство в углу кухни заколебалось, и на табурете материализовался домовый. Его прищуренный взгляд сразу упал на стол, и по его обветренному лицу проползла одобрительная морщинка.

— А дело говоришь, паря, — прохрипел он. — Угощение — оно разговор налаживает. — Он взял кружку с только что налитым чаем, с наслаждением вдохнул пар и отломил кусок ватрушки. — Ну, чего там у тебя? Излагай!

И я начал. Говорил взахлёб, подробно, с жаром, пытаюсь передать каждую деталь. Про пустой торговый центр и девушку-спрайта с карандашами вместо духов. Про летнюю улицу и ночниц, возникших из мрака. Про первую, неуверенную попытку изменить асфальт и злость от их побега. Про воздушный кокон и силовое поле. Про нарастающий ужас, когда их стало много. И про крик о помощи, который унёс меня сквозь землю.

Захар слушал, не перебивая. Он не притрагивался к еде, и всё его внимание было приковано ко мне. Когда я описывал схватку, его пальцы сжимались вокруг кружки. Когда я рассказывал про провал в асфальт, он откинулся назад, и его седые брови поползли вверх. Он цокал языком, то ли от удивления, то ли от одобрения, а в особенно напряжённых моментах его глаза, обычно прищуренные, широко раскрывались, и в их глубине вспыхивали зелёные искорки, будто тлеющие угольки.

И, наконец, я добрался до главного. До избы. До самовара. До Сна и Дремы.

— Они... они настоящие, Захар, — выдохнул я, глядя на него с почти благоговейным трепетом. — Такие... древние. Сон и Дрема! Боги! И они дали мне... своё благословение.

Я рассказал про паутину света, открывшую структуру сна, и про мерцающую дымку, способную спрятать меня в пейзаже.

Когда я закончил, в кухне наступила тишина, нарушаемая лишь шумом ветра за окном. Захар медленно, с чувством, допил свою кружку и поставил её на стол с глухим стуком. Он долго смотрел на меня, а потом его лицо расплылось в широкой, редкой улыбке, от которой все его морщины разошлись лучиками.

— Так-так-так... — протянул он наконец, качая головой. — Вона оно чё, Михалыч... Голова-то твоя, выходит, не только для того, чтобы шапку носить. Разумом шевелить начал. Этого я и ждал.

Он с явным удовольствием отломил кусок мясного пирога.

— Со всем справиться можно, паря. Была бы смекалка да воля. А у тебя, гляжу, и то, и другое прорезаться начинает. — Он сделал паузу, и взгляд его стал отстранённым словно устремлённым вглубь веков. — Сон да Дрема... Деда наши к ним с поклоном ходили, совета просили. Силы они тихие, мудрые, не чета нынешним крикунам. Встретить их — великая честь. Большая удача для тебя.

Он замолчал, размышляя, обсасывая крупинки воспоминаний. Потом снова перевёл на меня свой острый, пронизательный взгляд.

— Вот ты их дары получил. Зрение, чтобы видеть суть, да маскировку, чтобы таиться. Это, можно сказать, фундамент заложен. Теперь, паря, главное — не зазнайся.

Он ткнул в меня пальцем с обломанным ногтем.

— Не гоняйся сразу за великанами. Не пытайся горы сдвигать. Начни с малого. Привыкни к этим новым чувствам. Узоры эти... попробуй в следующий раз не просто на них смотреть, а легонько, мизинцем мысли, дёрнуть за ниточку. Посмотри, что выйдет. А дымку свою почувствуй, как она дышит, как обнимает тебя. Стань с ней одним целым, продолжением твоей воли.

Захар отодвинул тарелку и облокотился на стол.

— Помни: Морена сильна твоим страхом и поспешностью. А ты теперь можешь быть терпеливым. Можешь быть незаметным. Можешь видеть каркас её иллюзий. Используй это. Не бей в лоб — уклоняйся, маскируйся, изучай. Твоя сила не в том, чтобы стать для неё грозным воином, а в том, чтобы стать для неё невидимым, неуловимым противником. Призраком в её же собственном царстве.

Он откинулся на спинку табурета, и его фигура начала терять чёткость, растворяясь в утренних лучах солнца, пробивавшихся в окно.

— Ладно, мне пора. Дела домовые. А ты... — он многозначительно кивнул в сторону остатков пирога, — держись. Умный путь выбрал. Так и продолжай.

С этими словами он окончательно растаял в воздухе, оставив меня за столом с остывающим чаем и уже куда более ясными и обнадеживающими мыслями. Я был уже не рядовым сновидцем. Я стал учеником и мой путь только начинается...

Глава 8. Иллюзия силы

Иллюзия – штука коварная. Особенно иллюзия контроля. Она приходит не сразу, а подкрадывается мелкими, но уверенными шагами. Сначала ты просто замечаешь, что у тебя получается. Потом начинаешь ждать, когда же получится в следующий раз. А потом — ты уже не сомневаешься, что получится всегда. Вот этот переход от надежды к уверенности, а от уверенности к самонадеянности, — и был моей главной ошибкой на этой неделе.

Неделя началась с катарсиса. С того самого чувства лёгкой, тревожной надежды, что посетило меня после разговора с Захаром. Я проснулся на следующий день с чётким, почти что военным планом. План был максимально прост: привести в порядок Явь, чтобы укрепить тылы для войны в Нави.

Я начал с ящика в прихожей. Перебрал каждую мелочь: гору старых квитанций, сломанные зажигалки, пуговицы. Всё это полетело в мусорный пакет. Потом взялся за книжные полки. Снял каждую книгу, протёр пыль влажной тряпкой, сложил обратно только те, что действительно хотел оставить. Остальные составили стопку для буккроссинга. За полдня я заполнил первый мешок.

Генеральная уборка из спонтанного подвига превратилась в методичное завоевание территории. Я изгонял хаос, который копился годами, а не просто вытирал пыль. Я отдраил плиту до блеска, отскоблил пригоревшую еду со сковородок, прочистил слив в раковине. Выбросил три мешка хлама: старые журналы, сломанные наушники, футболки с дурацкими надписями, которые я никогда не носил. Каждый выброшенный предмет был маленькой победой над старым, апатичным Андреем.

Во вторник я пошёл в торговый центр. Два часа я примерял вещи в разных магазинах, чувствуя ткань, проверяя швы, оценивая, как сидят брюки. Мой гардероб сменил «диктатуру поношенных шмоток» на «демократию простых, но качественных вещей». Я не стал превращаться в пижона, а просто купил несколько хороших свитеров и пару новых брюк в стиле кэжуал. Смотрел на своё отражение в примерочной и ловил себя на мысли: «А ведь ничего. Не Максимус, конечно, но и не прежний увалень».

В понедельник я вышел на пробежку в шесть утра. Воздух обжигал лёгкие. К третьей минуте закололо в боку, но я сбавил темп и побежал дальше, не останавливаясь. Спорт перестал быть пыткой. Утренняя пробежка по парку, сначала с одышкой и проклятиями, к шестому дню стала нагрузкой, приносящей радость. Я даже стал замечать детали: иней на ветках, следы белок на снегу. Лёгкие горели, но уже приятным огнем, а не адским пламенем. Турники... что ж, с ними прогресс был скромнее. С одного жалкого подтягивания я дорос до двух. Но даже этот незначительный прогресс был для меня ценнее любой победы во сне. Это был прогресс здесь, в реальности, осязаемый и настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.